

БАЙРОНЪ

МИСТЕРИИ

переводъ
И.А.БУНИНА.

БАЙРОНЪ

7/67

Каинъ
Манфредъ / Небо и Земля

Переводъ
И. А. Бунина

1921

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

изд.

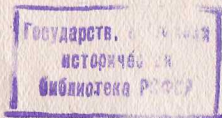
О г л а в л е н и е

Каинъ 7

Манфредъ 93

Небо и Земля . . 151

*

1259491

КАИНЪ

МИСТЕРІЯ

Змія же бѣ мудрѣйшій
всѣхъ звѣрей сущихъ на
земли, ихже сотвори Гос-
подь Богъ. *Быт. 3, 1*

DRAMATIS PERSONAE

Адамъ
Каинъ
Авель
Ангель Господень
Люциферъ
Ева
Ада
Селла

АКТЪ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мѣстность близъ рая. — Восходъ солнца

Адамъ, Ева, Каинъ, Авель, Ада, Селла —
на молитвѣ.

Адамъ. Иегова, Вѣчный, Мудрый, Безконечный!

Ты, Кто воззвалъ единымъ мощнымъ словомъ
Изъ мрака свѣтъ — хвала Тебѣ и слава!
На утрѣ дня — хвала Тебѣ и слава!

Ева. Иегова! Ты, Кто далъ намъ день, и утро
Впервые отдѣлилъ отъ тьмы, и воды
Съ водами разлучилъ, и назвалъ небомъ
Твердь между водъ — хвала Тебѣ и слава!

Авель. Иегова! Ты, Кто раздѣлилъ стихіи
На землю, воду, воздухъ и огонь,
Кто, сотворивъ свѣтила дня и ночи,
Создалъ и тѣхъ, которые могли бы
Любить Тебя, любить Твои созданья
И ликовать — хвала, хвала Тебѣ!

Ада. Иегова, Богъ! Отецъ всей сущей твари,
Создавшій человѣка всѣхъ прекраснѣй,
Достойнѣй всѣхъ земной любви, дозвожь мнѣ
Любить его! — Хвала, хвала Тебѣ!

СЕЛА. Иегова! Ты, Кто, все благословляя,
Все сотворивъ и все любя, дозволилъ
Войти въ Эдемъ и погубить насъ змію,
Храни насъ впредь! Хвала Тебѣ и слава!
Адамъ. Мой первенецъ, а что же ты молчишь?
Каинъ. Что дѣлать мнѣ?
Адамъ. Молись.
Каинъ. Вѣдь вы молились.
Адамъ. Отъ всей души.
Каинъ. И громко: я васъ слышалъ.
Адамъ. Какъ и Творецъ, надѣюсь я.
Авель. Аминь.
Адамъ. Но ты молчишь, сынъ Каинъ.
Каинъ. Это лучше.
Адамъ. Скажи яснѣй.
Каинъ. Мнѣ не о чемъ молиться.
Адамъ. И нѣ за что быть благодарнымъ?
Каинъ. Нѣтъ.
Адамъ. Но ты живешь?
Каинъ. Чтобъ умереть?
Ева. О, горе!
Плодъ древа запрещеннаго созрѣлъ.
Адамъ. И мы опять должны его вкусить.
Зачѣмъ, о, Боже, далъ Ты древо знанья?
Каинъ. Зачѣмъ ты не вкусилъ отъ древа жизни?
Тогда бъ Онъ не страшилъ тебя.
Адамъ. О, Каинъ!
Не богохульствуй: это рѣчи змія.

Каинъ. Что жъ, змій не лгаль! дало же древо
знанье;
Другое — жизнь дало бы. Жизнь есть благо,
И знаніе есть благо. Какъ же можетъ
Быть зломъ добро?
Ева. Мой сынъ, ты говоришь,
Какъ я, свершая грѣхъ свой, говорила:
Не дай его мнѣ видѣть возрожденнымъ
Въ твоёмъ грѣхѣ. Я примирилась съ небомъ.
Не дай мнѣ зрѣть, здѣсь, за вратами Рая,
Свое дитя въ той сѣти, что сгубила
Въ Раю его родителей. Доволенъ
Будь тѣмъ, что есть: довольствуйся мы раемъ,
И ты бъ теперь доволенъ былъ. О, сынъ мой!
Адамъ. Молитва наша кончена, идемте
Къ своимъ трудамъ урочнымъ, не тяжелымъ,
Но все жъ необходимымъ: нивы щедро
Намъ воздаютъ за малый трудъ.
Ева. Сынъ Каинъ,
Смотри, какъ онъ покорень и какъ бодръ:
Бери примѣръ. (Адамъ и Ева уходятъ)
Авель. Братъ, не гнѣви печалью
Предвѣчнаго: печаль бесплодна.
Ада. Каинъ,
Ты и на Аду хмуришься?
Каинъ. Нѣтъ, Ада!
Но я одинъ побуду. Авель, мнѣ
Не по себѣ; но это не надолго.
Иди же, братъ. И вы идите, сестры.

Не должно нѣжностью грубостью встрѣчать:
Я буду вслѣдъ за вами.

Ада. Если жъ нѣтъ,
Я за тобой вернусь сюда.

Авель. Да будетъ
Миръ надъ тобою, братъ! (Авель, Селла и Ада
уходятъ)

Кайнъ (одинъ). И это жизнь!
Трудись, трудись! Но почему я долженъ
Трудиться? Потому, что мой отецъ
Утратилъ рай. Но въ чемъ же я виновенъ?
Въ тѣ дни я не рожденъ былъ, — не стремился
Рожденнымъ быть, — родившись, не люблю
Того, что мнѣ дало мое рожденье.
Зачѣмъ онъ уступилъ женѣ и змію?
А уступивъ, за что страдаетъ? Древо
Росло въ Раю и было такъ прекрасно:
Кто жъ долженъ былъ имъ пользоваться? Если
Не онъ, такъ для чего оно росло
Вблизи его? У нихъ на всѣ вопросы
Одинъ отвѣтъ: «Его святая воля,
А Онъ есть благъ». Всесилень, такъ и благъ?
Зачѣмъ же благость эта наказуетъ
Меня за грѣхъ родителей?

Но кто-то
Идетъ сюда. По виду, это ангель,
Хотя онъ и суровѣй и печальнѣй,
Чѣмъ ангелы: онъ мнѣ внушаетъ страхъ.
Онъ не страшнѣе тѣхъ, что потрясають

Горящими мечами предъ вратами,
Вокругъ которыхъ часто я скитаюсь,
Чтобъ на свое законное наслѣдье —
На райскій садъ взглянуть хотя мелькомъ,
Скитаюсь до поры, пока не скроетъ
Ночная тьма Эдема и безсмертныхъ
Эдемскихъ насаждений, осѣнившихъ
Зубцы твердынь, хранимыхъ грозной стражей;
Я не дрожалъ при видѣ херувимовъ,
Такъ отчего жъ я съ трепетомъ встрѣчаю
Того, кто приближается? Онъ смотритъ
Величественнѣй ангеловъ; онъ такъ же
Прекрасенъ, какъ безплотные, но, мнится,
Не столь прекрасенъ, какъ когда-то былъ,
Иль могъ бы быть: скорбь кажется мнѣ частью
Его души, — хотя доступна ль скорбь
Для ангеловъ? Но онъ подходитъ.

Люциферъ (приближаясь). Смертный!

Кайнъ. Кто ты, о, духъ?

Люциферъ. Я повелитель духовъ.

Кайнъ. Но если такъ, зачѣмъ ты ихъ покинулъ
Для смертнаго?

Люциферъ. Я знаю мысли смертныхъ
И сострадаю смертнымъ.

Кайнъ. Какъ! Ты знаешь,
Что мысляю я?

Люциферъ. Да, это мысли всѣхъ
Достойныхъ мысли; это говорить въ васъ
Безсмертіе.

Каинъ. Безсмертіе? О немъ
Не знаемъ мы: безуміемъ Адама
Мы лишены плодовъ отъ древа жизни,
Межъ тѣмъ какъ мать вкусила слишкомъ рано
Плода отъ древа знанья — нашей смерти.

Люциферъ. Ты будешь жить, — не вѣр имъ.

Каинъ. Я живу.
Но лишь затѣмъ, чтобъ умереть, и въ жизни
Я ничего не вижу, что могло бы
Смерть сдѣлать ненавистною мнѣ, кромѣ
Врожденной намъ привязанности къ жизни,
Презрѣнной, но ничѣмъ не побѣдимой:
Живя, я проклиная часъ рожденья
И презираю самого себя.

Люциферъ. Но ты живешь и будешь жить: не
думаю,

Что прахъ земной, что плоть твоя есть сущность.
Прахъ твой умереть, а ты вѣкъ пребудешь
Тѣмъ, чѣмъ ты былъ.

Каинъ. Чѣмъ былъ? Но и не больше?

Люциферъ. Быть-можетъ, ты подобенъ будешь
намъ.

Каинъ. А вы?

Люциферъ. Мы вѣчны.

Каинъ. Счастливы?

Люциферъ. Могучи.

Каинъ. Я говорю, вы счастливы?

Люциферъ. Мы — нѣтъ.

А ты?

Каинъ. Взгляни!

Люциферъ. О, жалкій прахъ! Ты смѣешь
Считать себя несчастнымъ?

Каинъ. Я несчастенъ.

А ты съ твоимъ могуществомъ — кто ты?

Люциферъ. Тотъ, кто дерзалъ съ твоимъ Твор-
цомъ равняться

И кто тебя такимъ не сотворилъ бы.

Каинъ. Да, ты глядишь почти-что Богомъ. Ты...

Люциферъ. Но я не богъ и, не достигнувъ бога,

Хочу одно: самимъ собой остаться.

Онъ побѣдилъ, — пусть царствуетъ!

Каинъ. Кто — Онъ?

Люциферъ. Творецъ земли, Творецъ людей...

Каинъ. И неба

И сущаго на небѣ. Такъ поютъ

Архангелы, такъ говоритъ родитель.

Люциферъ. Они поютъ и говорятъ лишь то,

Что имъ велятъ. Ихъ устрашаетъ участь

Быть въ мірѣ тѣмъ, чѣмъ мы съ тобою стали:

Ты — межъ людей, я — межъ безсмертныхъ
духовъ.

Каинъ. А мы съ тобой — кто мы?

Люциферъ. Мы существа,

Дерзнувшія сознать свое безсмертье,

Взглянуть въ лицо всеильному Тирану,

Сказать Ему, что зло не есть добро.

Онъ говоритъ, что создалъ насъ съ тобою —

Я этого не знаю и не вѣрю,

Что это такъ, — но, если Онъ насъ создалъ,
Онъ насъ не уничтожить: мы безсмертны!
Онъ долженъ былъ безсмертными создать насъ,
Чтобъ мучить насъ: пусть мучить! Онъ великъ,
Но Онъ въ своемъ величїи несчастнѣй,
Чѣмъ мы въ борьбѣ. Зла не рождаетъ благо,
А Онъ родитъ одно лишь зло. Но пусть
Онъ на Своемъ престолѣ величавомъ
Творитъ міры, чтобъ облегчить Себѣ
Ни съ кѣмъ не раздѣленное безсмертье,
Пусть громоздитъ на звѣзды звѣзды: все же
Онъ одинокъ, тиранъ безсмертный. Если бъ
Онъ самого Себя могъ уничтожить,
То это былъ бы лучшій даръ изъ всѣхъ
Его даровъ. Но пусть царитъ, пусть страждетъ!
Мы, души, съ вами, смертными, мы можемъ
Хоть сострадать другъ другу; мы, терзаясь,
Мученія другъ другу облегчаемъ
Сочувствіемъ: оно весь міръ связуетъ;
Но Онъ! въ Своемъ величїи несчастный,
Въ несчастїи не знающій отрады,
Онъ лишь творитъ, чтобъ безъ конца творить!
Каинъ. Ты говоришь о томъ, что хоть неясно,
Но ужъ давно въ моемъ умѣ носилось:
Я никогда не могъ согласовать
Того, что видѣлъ, съ тѣмъ, что говорятъ мнѣ.
Мать и отецъ толкуютъ мнѣ о змѣѣ,
О древѣ, о плодахъ его; я вижу
Врата того, что было ихъ Эдемомъ,

И ангеловъ съ палящими мечами,
Изгнавшихъ насъ изъ Рая; я томлюсь
Въ трудахъ и думахъ; чувствую, что въ мірѣ
Ничтоженъ я, межъ тѣмъ какъ мысль моя
Сильна, какъ Богъ! Но я молчалъ, я думалъ,
Что я одинъ страдаю. Мой отецъ
Давно смирился; въ матери угасла
Та искра, что влекла ее къ познанию;
Братъ бдитъ стада и совершаетъ жертвы
Изъ первенцевъ отъ этихъ стадъ Тому,
Кто повелѣлъ, чтобъ намъ земля давала
Плоды лишь за тяжелый трудъ; сестра
Поетъ Ему хвалы еще до солнца,
И даже Ада, сердцу моему
Столь близкая, не понимаетъ мыслей,
Меня гнетущихъ; я еще не встрѣтилъ
Ни въ комъ себѣ сочувствія! Тѣмъ лучше:
Я съ духами въ сообщество вступлю.
Люциферъ. Ты этого сообщества достоинъ.
Иначе ты не видѣлъ бы меня:
Довольно было бъ змія.
Каинъ. А! Такъ это
Ты соблазнитель матери?
Люциферъ. Ничѣмъ,
Помимо правды, я не соблазняю.
Вѣдь вы вкусили знанія, вѣдь были
Плоды на древѣ жизни? Развѣ я
Давалъ запретъ вкушать отъ нихъ? И я ли
Растилъ плоды запретные къ соблазну

Существовъ, душой невинныхъ, любопытныхъ
Въ своей святой невинности? Я бѣ создалъ
Богами васъ, а Онъ лишилъ васъ Рая,
«Чтобъ вы отъ древа жизни не вкусили
И не были, какъ боги». — Таковы
Его слова.

Каинъ. Ты правъ. Я это слышалъ
Отъ тѣхъ, кому они звучали въ громѣ.

Люциферъ. Такъ кто жъ злой духъ? Тотъ, кто
лишилъ васъ жизни,
Иль тотъ, кто вамъ хотѣлъ дать жизнь, и ра-
дость.

И знаніе?

Каинъ. Имъ нужно было оба
Сорвать плода, иль не срывать совѣмъ.

Люциферъ. Одинъ ужъ вашъ; стремитесь къ дру-
гому.

Каинъ. Но какъ?

Люциферъ. Спротивляясь. Угасить
Ничто не можетъ духа, если хочеть
Духъ быть самимъ собой и средоточьемъ
Всего, что окружаетъ духъ; онъ созданъ,
Чтобъ царствовать.

Каинъ. Не ты ли соблазнилъ
Отца и мать?

Люциферъ. Я? Жалкій прахъ! Зачѣмъ мнѣ
Васъ соблазнять? И какъ?

Каинъ. Мнѣ говорили,
Что змій былъ духъ.

Люциферъ. Кто это говорить?

Не жалкое ль тщеславье чловѣка,
Что силится свалить свое паденье
На насъ, на духовъ? Змій былъ змій, не больше,
Но и не меньше тѣхъ, что соблазнились.
Онъ тоже прахъ, но онъ мудрѣ ихъ,
Зачѣмъ, что побѣдилъ ихъ. Развѣ сталъ бы
Я принимать подобье смертной твари?

Каинъ. Но тварь въ себѣ скрывала злого духа.
Люциферъ. Нѣтъ, тварь его лишь разбудила въ
тѣхъ,

Съ кѣмъ говорилъ языкъ ея коварный.
Я говорю, что змій былъ только змій:
Спроси у херувимовъ, стерегущихъ
Запретный плодъ. Когда вѣка вѣковъ
Пройдутъ надъ вашимъ прахомъ безглаголь-
нымъ,

Потомки ваши баснею украсятъ
Вашъ первый грѣхъ и мнѣ припишутъ образъ,
Который презирало я, какъ все,
Что предъ Творцомъ склоняется, создавшимъ
Все сущее въ живыхъ для поклоненья
Передъ Его бессмертіемъ угрюмымъ.
Но мы — мы знаемъ истину и станемъ
Провозглашать лишь истину. Адамъ
Плѣненъ былъ пресмыкающейся тварью.
Но духъ не пресмыкается: чему
Завидовать въ предѣлахъ тѣсныхъ Рая
Владыкѣ непредѣльнаго пространства?

Но я съ тобою рѣчь веду о томъ,
Чего ты, несмотря на древо знанья,
Не можешь знать.

Каинъ.   Но укажи мнѣ то,
Чего я не хотѣлъ бы знать, не жаждалъ?
Люциферъ. Дерзнешь ли ты взглянуть на смерть?
Каинъ.   Е

Никто еще не видѣлъ
Люциферъ.   Испытать же
Придется всѣмъ.

Каинъ.   Отецъ мой говоритъ
О ней, какъ о чудовищѣ; мать плачетъ
При словѣ «смерть»; братъ Авель къ небесамъ
Возводитъ очи; Селла потупляетъ
Свои къ землѣ, шепча молитву; Ада
Глядитъ въ мои.

Люциферъ.   А ты?
Каинъ.   Когда я слышу

Объ этой всемогущей и, какъ видно,
Ничѣмъ неотвратимой смерти, думы
Несмѣтныя въ моемъ умѣ тѣсняются
И жгутъ его. Возможно ль съ ней бороться?
Я мальчигомъ со львомъ боролся въ играхъ
И такъ сжималъ въ объятіяхъ его,
Что онъ ревѣлъ и обращался въ бѣгство.

Люциферъ. Смерть не имѣетъ образа, но все,
Что носить видъ земныхъ существъ, поглотить.
Каинъ. Я смерть считалъ за существо. Что можетъ
Столь злостнымъ быть, помимо существа?

Люциферъ. Спроси у Разрушителя.

Каинъ.   Какого?

Люциферъ. Иль у Творца — зови его, какъ хо-
чешь.

Вѣдь Онъ творить затѣмъ, чтобъ разрушать.
Каинъ. Я этого не зналъ еще, но думалъ
Почти-что то же самое, какъ только
Я услыхалъ о смерти. Я не знаю,
Что значить смерть, но смерть мнѣ представля-
лась

Всегда ужаснымъ чѣмъ-то. Я нерѣдко
Вперялъ свой взоръ во тьму пустынной
ночи,

Ища ее; я видѣлъ чьи-то тѣни
У райскихъ стѣнъ, во мракѣ, гдѣ пылаютъ
Мечи въ десницѣ ангеловъ, и жадно
Слѣдилъ за тѣмъ, что мнѣ казалось смертью,
Весь трепеща отъ страха и желанья
Увидѣть то, предъ чѣмъ мы всѣ трепещемъ.
Но мракъ былъ пустъ, и я свой взоръ усталый
Отъ стѣнъ родного Райа отвращалъ
Къ свѣтиламъ горнимъ, къ синему зѣиру,
Къ его огнямъ, столь нѣжнымъ и прекраснымъ.
Ужели и они умрутъ?

Люциферъ.   Быть-можетъ;

Но надолго всѣхъ васъ переживутъ.

Каинъ. Я радъ. Но смерть! Смерть мнѣ вну-
шаетъ трепеть.

Она есть нѣчто грозное: но что же?

Она намъ всё, виновнымъ и невиннымъ,
Какъ зло была объявлена: какое?

Люциферъ. Вновь прахомъ стать.

Каинъ. Стать неподвижнымъ прахомъ
Еще не зло; но только бы не быть
Ничёмъ инымъ!

Люциферъ. Презрѣнное желанье!

Презрѣннѣй, чѣмъ желанія Адама:

Тотъ хотъ стремился къ знанью.

Каинъ. Но не къ жизни;

Иначе почему онъ не вкусилъ

Отъ древа жизни?

Люциферъ. Изгнанъ былъ изъ Рая.

Каинъ. Ужасная ошибка! Онъ былъ долженъ

Сперва сорвать плодъ жизни, но, не зная

Добра и зла, не вѣдалъ онъ и смерти.

Увы! Я смерть узналъ еще такъ мало,

Но ужъ страшусь . . . того, чего не знаю.

Люциферъ. А я, познавшій все, ужъ не
страшусь

Ни передъ чѣмъ. Вотъ истинное знанье.

Каинъ. Наставь меня.

Люциферъ. Съ условіемъ.

Каинъ. Какимъ?

Люциферъ. Пади и поклонись мнѣ, какъ
владыкѣ.

Каинъ. Ты развѣ Богъ?

Люциферъ. Не Богъ.

Каинъ. Такъ равный Богу?

Люциферъ. О, нѣтъ, я не имѣю ничего
Съ Нимъ общаго — и не скорблю объ этомъ.
Я соглашусь быть чѣмъ угодно — выше
Иль даже ниже — только не слугою
Могущества Иеговы. Я не Богъ,
Но я великъ: не мало тѣхъ, что сердцемъ
Чтутъ власть мою, — ихъ будутъ сонмы; будь же
Изъ первыхъ — ты.

Каинъ. Я никогда еще
Предъ Божествомъ отца не преклонялся,
Хотя нерѣдко Авель умоляетъ,
Чтобъ мы свершали жертвы Богу вмѣстѣ.
Зачѣмъ же мнѣ склоняться предъ тобой?

Люциферъ. Ты никогда предъ Нимъ не прекло-
нялся?

Каинъ. Ты развѣ не слыхалъ меня? И развѣ
Ты самъ не зналъ объ этомъ? Ты всевѣдущъ.

Люциферъ. Но не поклонникъ Бога — мой по-
клонникъ.

Каинъ. Я не хочу сгибаться ни предъ кѣмъ.

Люциферъ. Ты все же мой: непоклоненье Богу
Есть поклоненье мнѣ.

Каинъ. Скажи яснѣе.

Люциферъ. Ты самъ поймешь — со временемъ.

Каинъ. Открой
Мнѣ тайну моего существованья.

Люциферъ. Иди за мной.

Каинъ. Мнѣ нужно на работу.
Я обѣщаль . . .

Люциферъ. Что обѣщаль?
Каинъ. Для жертвы
Набрать плодовъ.
Люциферъ. Не ты ли говорилъ,
Что предъ Творцомъ ни разу не склонялся?
Каинъ. Но Авель упросилъ меня. Вѣдь жертву
Свершу не я — скорѣе онъ. И Ада . . .
Люциферъ. Чѣмъ ты смущень?
Каинъ. Она моя сестра,
Мы рождены однимъ и тѣмъ же чревомъ
Въ одинъ и тотъ же день: она слезами
Исторгла обѣщанье у меня.
Я все готовъ перенести для Ады,
Я преклонюсь предъ чѣмъ угодно, лишь бы
Въ слезахъ ея не видѣть.
Люциферъ. Такъ иди
Вослѣдъ за мной.
Каинъ. Духъ, я иду.
Ада (входя). Братъ Каинъ!
Я за тобой: ужъ полдень, — наступаетъ
Часъ отдыха и радости, и намъ
Недостаетъ тебя. Ты не работалъ,
Но я твой трудъ исполнила; созрѣли
Твои плоды и блещутъ, точно солнце.
Идемъ.
Каинъ. Иль ты не видишь?
Ада. Вижу — ангель.
Мы видимъ ихъ нерѣдко. Онъ раздѣлитъ
Часъ нашего полдневаго досуга?

Каинъ. Онъ не похожъ на ангеловъ, которыхъ
Мы видѣли.
Ада. Есть развѣ и другіе?
Но и ему мы будемъ рады — такъ же,
Какъ и другимъ: тѣ не гнушались нами.
Каинъ (Люциферу). Идешь ли ты?
Люциферъ. Иди за мной.
Каинъ. Я долженъ
Идти за нимъ.
Ада. И насъ покинуть?
Каинъ. Да.
Ада. И даже Аду?
Каинъ. Ада!
Ада. Такъ позволь мнѣ
Идти съ тобой!
Люциферъ. Нѣтъ, онъ пойдетъ одинъ.
Ада. Кто ты, разъединяющій такъ властно
Сердца людей?
Каинъ. Онъ Богъ.
Ада. А кто объ этомъ
Тебѣ сказалъ?
Каинъ. Онъ говоритъ, какъ Богъ.
Ада. Такъ говорилъ и лживый змій.
Люциферъ. Нѣтъ, Ада,
Змій вамъ не лгалъ: дало же древо знанья
Познаніе.
Ада. На горе намъ!
Люциферъ. О, да.
Но это горе — знаніе, и, значить,

Змій вамъ не лгаль; онъ истиной прельстиль
васъ,

А истина, по существу, есть благо.

Ада. Но истина несетъ намъ только бѣды:

Изгнаніе изъ нашего пріюта,

Тяжелый трудъ, душевный гнетъ и страхъ,

Томленіе о прошломъ и надежды

На то, что не вернется. Не ходи

За этимъ духомъ, Каинъ! Примирись

Съ своей судьбой, какъ мы съ ней примирились,

Люби меня, какъ я тебя люблю.

Люциферъ. Сильнѣй отца и матери?

Ада. Сильнѣе!

Но развѣ это тоже смертный грѣхъ?

Люциферъ. Пока — не грѣхъ; но будетъ имъ —
въ грядущемъ,

Для вашего потомства.

Ада. Какъ! Ужели

Любить Эноха дочь моя не будетъ?

Люциферъ. Не такъ, какъ Ада — Каина.

Ада. О, Боже!

Ужель они не будутъ ни любить,

Ни жизнь давать созданьямъ, что возникли бѣ

Изъ ихъ любви, чтобъ вновь любить другъ
друга?

Но развѣ не питаются они

Одною грудью? Развѣ не родился

Онъ, ихъ отецъ, въ одинъ и тотъ же часъ

Со мной отъ лона матери? И развѣ

Не любимъ мы другъ друга и любовью
Не множимъ тѣхъ, что будутъ такъ же нѣжно
Любить, какъ мы ихъ любимъ? — какъ люблю я
Тебя, мой братъ? Нѣтъ, не ходи за нимъ —
За этимъ духомъ: это духъ — намъ чуждый.
Люциферъ. Но я не говорилъ тебѣ, что ваша
Любовь есть грѣхъ: она преступной будетъ
Въ глазахъ лишь тѣхъ, что васъ замѣнятъ въ
жизни.

Ада. Такъ, значитъ, добродѣтель и порокъ
Зависятъ отъ случайности? Тогда
Мы всѣ — рабы.

Люциферъ. Рабами даже духи
Могли бы стать, не предпочти они
Свободныхъ мукъ бряцанію на арфахъ
И низкимъ восхваленіямъ Іегòвы
За то, что Онъ, Іегòва, всемогущъ
И не любовь внушаетъ имъ, а ужасъ.

Ада. Кто всемогущъ, тотъ и всеблагъ.

Люциферъ. Такимъ ли
Онъ былъ въ Раю?

Ада. Врагъ! Не смущай меня
Своею красотою; ты прекраснѣй,
Чѣмъ демонъ змій, но такъ же лживъ.

Люциферъ. Правдивъ.
Спроси у вашей матери, у Евы:
Солгаль ли змій?

Ада. О, мать! Твое паденье
Для чадъ твоихъ губительнѣе было,

Чѣмъ для тебя; ты провела хоть юность
Въ Эдемѣ, въ беззаботномъ и блаженномъ
Общеніи съ блаженными; а насъ,
Не вѣдавшихъ Эдема, обступаютъ
Враги, что лишь присвоили себѣ
Слова Творца и соблазняютъ наши
Мятущіяся души нашей жадной,
Неутоленной мыслью, какъ тебя
Змій соблазнилъ на лонѣ беззаботныхъ,
Невинныхъ, юныхъ радостей твоихъ!
Безсмертному, стоящему предъ нами,
Я не могу отвѣтить, не могу
Проклять его; я съ сладостной боязнью
Любуюсь имъ — и не могу бѣжать:
Въ его глазахъ — таинственная прелесть,
И я не въ силахъ взора отвести
Отъ этихъ глазъ; въ груди трепещетъ сердце,
Мнѣ страшно съ нимъ, но онъ влечетъ меня,
Влечетъ къ себѣ все ближе... Каинъ! Каинъ!
Спаси меня!

Каинъ. Не бойся: онъ не демонъ.

Ада. Но и не Богъ, не ангелъ Божій: я
Видала херувимовъ, серафимовъ;
Онъ не похожъ на нихъ.

Каинъ. Есть духи выше:
Архангелы.

Люциферъ. Еще есть выше.

Ада. Есть,
Но развѣ тѣ блаженны?

Люциферъ.

Если рабство

Равняется блаженству — не блаженны.

Ада. Я слышала, что нѣжны — серафимы,

А мудры — херувимы. Духъ, ты — мудрый,

Ты — херувимъ, тебѣ любовь чужда.

Люциферъ. Когда любовь отъ знанья гибнетъ, —
къѣмъ же

Быть долженъ тотъ, кого, узнавъ, не любишь?

Всезнающимъ и мудрымъ херувимамъ

Любовь чужда; такъ, значить, серафимы

Лишь по незнанью любятъ. Что любовь

Несовмѣстима съ знаніемъ, мы видимъ:

Примѣръ — судьба Адама. Выбирайте

Межъ знаньемъ и любовью, — вѣдь другого

Нѣтъ выбора. Адамъ уже избралъ:

Онъ почитаетъ Бога лишь изъ страха.

Ада. О, Каинъ! Избери любовь.

Каинъ. Съ любовью

Къ тебѣ, сестра, я былъ рожденъ. Но больше

Я ничего на свѣтѣ не люблю.

Ада. А мать, отецъ?

Каинъ. Они насъ не любили,

Срывая плодъ, лишившій насъ Эдема.

Ада. Мы не были въ то время рождены,

А если бы и были — неужели

Мы не должны любить ихъ такъ же нѣжно,

Какъ любимъ мы своихъ малютокъ, Каинъ?

Каинъ. Мои едва лепечущія крошки!

Будь я увѣренъ въ счастіѣ ихъ, я могъ бы

Почти простить . . . Но это не простится
Через тысячи столѣтій! Никогда
Любить не будутъ память человѣка,
Что сѣмя человѣческаго рода
И сѣмя зла посѣять могъ въ одинъ
И тотъ же часъ. Онъ палъ, но мало было
Ему своихъ страданій: онъ зачалъ
Меня, тебя, всѣхъ насъ, — пока немногихъ,
И весь безмѣрный, безконечный рядъ,
Миряды, сонмы тѣхъ, что народятся
Для новыхъ, горшихъ мукъ, и чѣмъ отцомъ
Быть долженъ я! Твоя любовь и юность,
Моя любовь и радость, мигъ блаженства,
Мгновеніе покоя, все, что любимъ
Мы въ дѣтяхъ и другъ въ другѣ — все ведетъ
И насъ и ихъ путемъ грѣха и скорби,
Лишь изрѣдка даруя мигъ отрады,
Къ невѣдомому — смерти. Древо знанья
Насъ обмануло: грѣхъ свершенъ, но все ли
Познали мы о жизни и о смерти?
Мы знаемъ лишь одно: что мы несчастны.
Ада. Я не несчастна, Каинъ, и когда бы
Ты счастливъ былъ . . .
Каинъ. Будь счастлива одна,
Я не нуждаюсь въ томъ, что унижаетъ
Во мнѣ мой духъ.
Ада. Одна я не хочу
И не могу быть счастлива; но съ тѣми,
Что близки мнѣ, я думаю, могла бы!

Я не смущаюсь смерти, непонятной
И потому не страшной мнѣ, хотя
Она и страшной кажется, какъ часто
Приходится мнѣ слышать.
Люциферъ. Такъ одна
Ты счастлива не можешь быть?
Ада. Но кто же
Одинъ бы могъ быть счастливъ или добръ?
Одна! но мнѣ мое уединенье
Всегда грѣхомъ казалось, если я
Не чаяла, что скоро встрѣчусь съ близкимъ.
Люциферъ. Но Богъ твой одинокъ: такъ неужели
Не счастливъ Онъ, не добръ?
Ада. Онъ не одинъ:
Есть ангелы и смертные, — Онъ счастливъ,
Даруя счастье ангеламъ и смертнымъ.
Вѣдь радость въ томъ, чтобъ радовать другихъ.
Люциферъ. А твой отецъ, — давно ли изъ Эдема
Былъ изгнанъ онъ? А Каинъ? Ты сама?
Спокойна ли душа твоя?
Ада. Увы!
Но ты — вѣдь ты не ангель?
Люциферъ. Нѣтъ, не ангель.
А почему — спроси у всеблагаго,
Весильнаго Создателя вселенной:
Онъ знаетъ тайну эту. Мы смирились,
Другіе воспротивились — и тщетно,
Какъ говорятъ намъ ангелы. По мнѣ же,
Не тщетно, нѣтъ, — разъ лучше быть не можетъ.

Есть въ духѣ мудрость, — мудрость же влечеть
Духъ къ истинѣ, какъ сквозъ разсвѣтннй
  сумракъ.

Вашъ взоръ влечеть далекій блескъ денницы.
Ада. Она прекрасна; я ее люблю
За красоту.

Люциферъ. Боготворишь иль любишь?

Ада. Отецъ боготворить лишь одного
Незримаго.

Люциферъ. Незримое являетъ
Себя въ прекрасныхъ символахъ. А эта
Звѣзда есть вождь небесной звѣздной рати.

Ада. Отецъ и Бога видѣлъ.

Люциферъ. Да. А ты?

Ада. Я видѣла Творца въ Его твореньяхъ.

Люциферъ. А въ существѣ?

Ада. Нѣтъ; развѣ лишь въ отцѣ,

Который есть подобіе Иеговы,
Иль въ ангелахъ, столь на тебя похожихъ.
Ихъ образъ лучезарнѣе, чѣмъ твой,
Хотя не такъ онъ властенъ и прекрасенъ:
Какъ тихій полдень, свѣтомъ напоенный,
Они на насъ взирають, ты же — ночь,
Ночной эюиръ, гдѣ облака, бѣлѣя,
Сквозятъ на темномъ пурпурѣ, а звѣзды
Лучистыми огнями испещряють
Тайственный и дивный сводъ небесъ.
Несмѣтныя, мерцающія нѣжно,
Но такъ къ себѣ влекущія, онѣ

Мои глаза слезами наполняютъ,
Какъ ты теперь. Ты кажешься несчастнымъ;
Не дѣлай насъ такими же! Ты видишь —
Я плачу о тебѣ.

Люциферъ. О, эти слезы!
Когда бъ ты знала, сколько ихъ прольется!

Ада. Мной?

Люциферъ. Всѣми.

Ада. Кѣмъ?

Люциферъ. Мирьядами мирьядъ,
Мильонами мильоновъ, — всей землею,
Опустошенной, снова населенной,
И адомъ переполненнымъ, чье сѣмя
Въ твоей груди.

Ада. О, Каинъ! Этотъ духъ
Насъ проклинаеть.

Каинъ. Онъ меня ведетъ.

Ада. Ведеть — куда?

Люциферъ. Туда, гдѣ онъ пробудеть
Лишь только часъ, но гдѣ увидитъ то,
Что создано несчетными вѣками.

Ада. Возможно ль это?

Люциферъ. Развѣ вашъ Создатель
Въ шесть дней не создалъ міръ вашъ изъ облом-
  ковъ

Былыхъ міровъ? И развѣ я, помощникъ
Въ Его созданьи міра, не могу
Въ часъ показать того, что создавалъ Онъ
Иль разрушалъ въ часы?

Каинъ. Веди меня.

Ада. Но черезъ часъ вернется онъ?

Люциферъ. Вернется.

Мы временемъ не связаны. Я вѣчность
Могу вмѣстить въ единое мгновенье
И превратить мгновенье въ вѣчность. Духи
Свое существованье измѣряютъ
Не тѣмъ, чѣмъ вы. Но это тайна. — Каинъ,
Иди за мной.

Ада. Но онъ ко мнѣ вернется?

Люциферъ. Да, женщина. Онъ первый и послѣд-
ній,

За исключеньемъ только Одного,
Изъ этихъ мѣстъ вернется, чтобы сдѣлать
Ихъ мѣръ, еще безмолвный и пустынный,
Такимъ же населеннымъ, какъ и землю.

Ада. Гдѣ ты живешь?

Люциферъ. Въ пространствѣ. Гдѣ могу
Я обитать? Тамъ, гдѣ твой Богъ, иль Боги.
Все въ мѣрѣ раздѣлилъ я: вѣчность, время,
Жизнь, смерть, пространство, землю, небо
И то, что ни земля, ни небо — мѣръ,
Который населенъ и населится
Отъ тѣхъ, что населяли иль населятъ
То и другое: вотъ мои владѣнья.
Я раздѣлилъ съ Нимъ царство и владѣю
Еще и тѣмъ, гдѣ Онъ не властенъ. Если бъ
Я не былъ столь могущественъ, то развѣ
Я былъ бы здѣсь? Здѣсь ангелы витаютъ.

Ада. Но ангелы витали и въ Раю,

Гдѣ говорилъ лукавый змій.

Люциферъ. Ты слышалъ

Призывъ мой, Каинъ? Если жаждешь знанья,

Иди за мною — жажда утолится,

И даже безъ запретнаго плода,

Способнаго лишить тебя навѣки

Единственнаго блага, что оставилъ

Тебѣ мой Врагъ. Иди за мною, Каинъ.

Каинъ. Духъ, я иду.

(Люциферъ и Каинъ уходятъ)

Ада (вослѣдъ имъ). О, Каинъ! Братъ мой!

Каинъ!

АКТЪ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Бездна пространства

Люциферъ и Каинъ

Каинъ. Не падая, я воздухъ попираю,
Хотя боюсь, что упаду.

Люциферъ. Не бойся —

Довѣрься мнѣ, владыкѣ этой бездны.

Каинъ. Но развѣ вѣра въ духа не грѣховна?

Люциферъ. Сомнѣнье — гибель, вѣра — жизнь.

Таковъ

Уставъ Того, Кто именуетъ бѣсомъ
Меня предъ сонмомъ ангеловъ, они же
Передаютъ названье это тварямъ,
Которымъ непонятно то, что выше
Ихъ жалкихъ чувствъ, которыя трепещутъ
Велѣній господина и считаютъ
Добромъ или зломъ все, что прикажетъ Онъ.
Я въ рабствѣ не нуждаюсь. Ты увидишь
За тѣсной гранью маленькаго міра,
Гдѣ ты рожденъ, несмѣтные міры,
И я не обреку тебя на муки
За страхи и сомнѣнья. Будетъ день —

И человекъ, несомый водной хлябью,

Другому скажетъ: *вспруй и гряди* —

И тотъ пойдетъ по хляби неврѣдимо.

Я вѣры, какъ условія спасенья,

Не требую. Лети со мной, какъ равный,

Надъ бездною пространства, — я открою

Тебѣ живую лѣтопись міровъ

Прошедшихъ, настоящихъ и грядущихъ.

Каинъ. О, богъ или бѣсъ — кто бѣ ни былъ ты:
что это?

Ужель земля?

Люциферъ. Ты не узналъ земли?

Той перети, изъ которой ты былъ созданъ?

Каинъ. Какъ! Этотъ кругъ, синѣющий въ эфирѣ

Вблизи кружка, похожаго на то,

Что ночью освѣщаетъ нашу землю,

И есть нашъ Рай? А гдѣ же стѣны Рая?

И тѣ, что стерегутъ ихъ?

Люциферъ. Покажи

Мнѣ мѣсто Рая.

Каинъ. Это невозможно!

Чѣмъ дальше мы уносимся впередъ,

Тѣмъ кругъ земли становится все меньше

И, уменьшаясь, свѣтится вдали

Все ярче серебристымъ звѣзднымъ свѣтомъ.

Мы съ быстротою солнечныхъ лучей

Летимъ впередъ, и онъ ужъ начинаетъ

Теряться средь безчисленнаго сонма

Окрестныхъ звѣздъ.

Люциферъ. Но что бы ты подумалъ,
Когда бь узналъ, что есть міры громаднѣй,
Чѣмъ міръ земной, что есть созданья выше,
Чѣмъ человѣкъ, что ихъ число несмѣтно,
Что всѣ они на смерть обречены
И всѣ живутъ, всѣ страждутъ?

Каинъ. Я бь гордился

Своимъ умомъ, постигнувшимъ все это.

Люциферъ. А если духъ твой скованъ отъ рож-
денья

Тяжелой, грубой плотью, если онъ,
Столь гордый тѣмъ, что знаетъ, жаждетъ новыхъ,
Все новыхъ, высшихъ знаній, а межъ тѣмъ
Не побѣдитъ ничтожнѣйшихъ, грубѣйшихъ,
Мерзѣйшихъ нуждъ, и вышею отрадой
Считаетъ только сладостный и грязный,
Безъ мѣры истомляющій обманъ,
Влекущій къ созиданію лишь новыхъ
Несмѣтныхъ душъ, несмѣтныхъ тѣлъ, съ рож-
денья

Приговоренныхъ къ смерти?

Каинъ. Духъ! я знаю
О смерти только то, что смерть ужасна,
Что смерть — нашъ общій горестный удѣлъ,
Какъ слышалъ я отъ матери, которой
Обязаны мы смертию вмѣстѣ съ жизнью.
Но если такъ, дай умереть мнѣ, духъ!
Вѣдь быть отцомъ созданий, обреченныхъ
На жизнь среди страданій и на гибель,

Не все ль равно, что смерть плодитъ и въ мірѣ
Распространяетъ злодѣйство?

Люциферъ. Ты не можешь
Весь умереть: есть нѣчто, что бессмертно.

Каинъ. Богъ это скрылъ, изгнавъ отца изъ Рая
И заклѣивъ зловѣщимъ знакомъ смерти
Его чело. Но пусть во мнѣ погибнетъ
Хоть смертное, чтобъ въ остальномъ я былъ,
Какъ ангелы.

Люциферъ. Я ангельскаго чина:
Ты хочешь быть такимъ, какъ я?

Каинъ. Но кто ты?
Я вижу только мощь твою и то,
Что ты мнѣ открываешь міръ, гнетущій
Величіемъ мою земную мощь
И все же не превысившій желаній
И думъ моихъ.

Люциферъ. О, гордя желанья,
Которыя такъ скромно раздѣляютъ
Юдоль червей!

Каинъ. А ты, — ты раздѣляешь
Обители съ бессмертными, — ты развѣ
Не кажешься печальнымъ?

Люциферъ. Я печаленъ.
Итакъ, скажи: ты хочешь быть бессмертнымъ?

Каинъ. Ты говоришь, что я имъ *долженъ* быть.
Я этого не зналъ еще, но если
Должно такъ быть, то я хочу извѣдать
Безсмертіе заранѣ.

Люциферъ. Ты извѣдалъ.
Каинъ. Когда и какъ?
Люциферъ. Страдая.
Каинъ. Но страданья
Должны быть вѣчны?
Люциферъ. Это мы узнаемъ, —
Мы и твои потомки. Но взгляни:
Какъ все полно величія!
Каинъ. О, дивный,
Невыразимо дивный мѣръ! И вы,
Несмѣтныя, растущія безъ мѣры
Громады звѣздъ! Скажите: что такое
И сами вы, и эта голубая
Безбрежная воздушная пустыня,
Гдѣ кружитесь вы въ бѣшеное весельѣ,
Какъ листья вдоль прозрачныхъ рѣкъ Эдема?
Исчислены ль пути для васъ? Иль вы
Стремитесь въ даль, сжимающую душу
Своею безконечностью, свободно?
Творецъ! Творцы! Иль я не знаю — кто!
Какъ дивны вы и какъ прекрасны ваши
Созданія! Пусть я умру, какъ атомъ, —
Быть-можетъ, умираетъ онъ! — иль ваше
Величье постигну! Мысль моя
Достойна васъ, хоть прахъ и недостойнъ.
Духъ! Дай мнѣ умереть, иль покажи
Мнѣ ближе ихъ.
Люциферъ. Ты развѣ къ нимъ не близокъ?
Взгляни на землю.

Каинъ. Гдѣ она? Я вижу
Лишь сонмы звѣздъ.
Люциферъ. Гляди сюда.
Каинъ. Не вижу.
Люциферъ. Но приглядишься: она еще мерцаетъ.
Каинъ. Вонъ тамъ?
Люциферъ. Да, тамъ.
Каинъ. Возможно ли? Я видѣлъ
Ночной порой въ лугахъ и въ темныхъ рощахъ
Свѣтящихся мухъ: онѣ сверкали ярче,
Чѣмъ этотъ мѣръ, который ихъ питаетъ.
Люциферъ. Ты видѣлъ и мѣры и свѣтляковъ, —
Тѣ и другіе искрятся, — что жъ скажешь
Ты мнѣ о нихъ?
Каинъ. Скажу, что и мѣры
И свѣтляки, по-своему, прекрасны,
И что полетъ ночной ничтожной мушки
И мощный бѣгъ безсмертнаго свѣтила
Равно руководимы . . .
Люциферъ. Кѣмъ?
Каинъ. Открой мнѣ.
Люциферъ. И ты взглянуть дерзнулъ бы?
Каинъ. Какъ мнѣ знать,
На что взглянуть дерзну я? Ты пока
Не показала мнѣ ничего такого,
Чтобъ не дерзнулъ я большаго увидѣть.
Люциферъ. Къ чему тебя влекло всего
сильнѣе?
Каинъ. Къ тому, чего я никогда не вѣдалъ

И вѣдать бы не долженъ — къ тайнѣ смерти.
Люциферъ. Я покажу отжившихъ и умершихъ,
Какъ показаль безсмертныхъ.

Каинъ. Покази.

Люциферъ. Тогда впередъ на нашихъ мощныхъ
крыльяхъ!

Каинъ. О, какъ мы разсѣкаемъ воздухъ! Звѣзды
Скрываются отъ нашихъ глазъ! Земля!
Гдѣ ты, земля? Дай мнѣ взглянуть на землю.
Я сынъ ея.

Люциферъ. Земли уже не видно.
Предъ вѣчностью она гораздо меньше,
Чѣмъ ты предъ ней. Но ты съ землею связанъ
И скоро къ ней вернешся. Прахъ земной —
Часть нашего безсмертія.

Каинъ. Куда же
Лежитъ нашъ путь?

Люциферъ. Къ тому, что только призракъ
Былыхъ мировъ, земля же ихъ обломокъ.

Каинъ. Такъ міръ не новъ?

Люциферъ. Не болѣе, чѣмъ жизнь.

А жизнь древнѣй, чѣмъ ты, чѣмъ я, и даже
Древнѣй Того, Что выше насъ съ тобою.

Есть многое, что никогда не будетъ
Имѣть конца; а то, что домогалось
Считаться не имѣющимъ начала,

Имѣетъ столь же низкое, какъ ты;
И многое великое погибло,

Чтобъ мѣсто дать ничтожному, — такому,

Что и помыслить трудно: ибо въ мірѣ
Лишь время и пространство неизмѣнны,
Хотя и перемѣны только праху
Приносятъ смерть. Ты — прахъ, ты не постиг-
нешь

Того, что выше праха, и увидишь
Лишь то, что было прахомъ.

Каинъ. Только прахомъ!
Но я дерзну взглянуть на все, что хочешь.

Люциферъ. Тогда — впередъ!

Каинъ. Какъ быстро меркнуть звѣзды!
А вѣдь онѣ казались мнѣ мірами,
Когда мы приближались къ нимъ.

Люциферъ. Онѣ
И есть міры.

Каинъ. И есть на нихъ эдемы?

Люциферъ. Быть-можетъ, есть.

Каинъ. И люди?

Люциферъ. Есть и люди.

Иль существа, что выше ихъ.

Каинъ. И зміи?

Люциферъ. Разъ люди есть — какъ имъ не быть?
И развѣ

Дышать должны ходячія лишь твари?

Каинъ. Какъ быстро меркнуть звѣзды вслѣдъ за
нами!

Куда летимъ мы?

Люциферъ. Къ міру привидѣній,
Существъ, еще не жившихъ и отжившихъ.

Кайнъ. Но мракъ растеть — всѣ звѣзды ужь
исчезли.

Люциферъ. Но ты, однако, видишь.

Кайнъ. Жуткій сумракъ!

Ни яркихъ звѣздъ, ни солнца, ни луны,
И все же въ этомъ сумракѣ я вижу
Какія-то угрюмыя громады,
Но только не похожія на тѣ,
Которыя свѣтились въ пространствѣ
Своими ореолами и были,
Какъ мнѣ тогда казалось, полны жизни.
На тѣхъ, сквозь ихъ сіяніе, я видѣлъ
Глубокія долины, выси горъ
И водныя безбрежныя равнины;
Вкругъ тѣхъ сіяли огненныя кольца
И диски лунъ, напоминая землю;
А здѣсь все страшно, сумрачно!

Люциферъ. Но ясно.

Ты ищешь смерть увидѣть и умершихъ?

Кайнъ. Разъ грѣхъ Адама предалъ всѣхъ насъ
смерти,

То я хочу заранѣе увидѣть
То, что мы всѣ увидимъ поневолѣ
Когда-нибудь.

Люциферъ. Смотри.

Кайнъ. Повсюду мракъ!

Люциферъ. И *вѣчный* мракъ; но мы съ тобой рас-
кроемъ

Врата его.

Кайнъ. Гигантскими клубами

Катится паръ — откуда онъ?

Люциферъ. Войди.

Кайнъ. Вернусь ли я?

Люциферъ. Не сомнѣвайся въ этомъ.

Вѣдь кто наполнить долженъ царство смерти?
Ты и твой родъ. Оно еще такъ пусто
Въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ будетъ.

Кайнъ. Облака

Все шире разступаются предъ нами,
Кругами обвивая насъ.

Люциферъ. Входи.

Кайнъ. А ты?

Люциферъ. Входи. Ты безъ меня не могъ бы
Проникнуть въ царство призраковъ. Смѣлѣе!
(Исчезаютъ въ облакахъ)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Царство смерти

Люциферъ и Кайнъ

Кайнъ. Какъ молчаливъ, какъ необъятенъ этотъ
Угрюмый міръ! Онъ населенъ обильяѣй,
Чѣмъ даже тѣ горячія громады,
Которыя въ воздушныхъ безднахъ блещутъ
Въ такомъ несмѣтномъ множествѣ, что я
Сперва считалъ ихъ за какихъ-то свѣтлыхъ
Небесныхъ обитателей. Но какъ

Здѣсь сумрачно, какъ все напоминаетъ
Угасшій день!

Люциферъ. Здѣсь царство смерти. Хочешь
Увидѣть смерть?

Каинъ. Я не могу отвѣтить,
Не вѣдая, что значить смерть. Но если
Отецъ мой правъ . . . О, Боже! Я подумать
Страшусь о ней! Будь проклять тотъ, кто
далъ

Мнѣ бытiе, ведущее лишь къ смерти!

Люциферъ. Ты проклинаешь мать, отца?

Каинъ. Но развѣ
Они меня не прокляли, дерзнувши
Вкусить отъ древа знанiя?

Люциферъ. Ты правъ:
Межъ вами обоюдное проклятье.
Но твой Энохъ, твой братъ?

Каинъ. Они должны
Дѣлать мое проклятiе со мною,
Родителемъ и братомъ ихъ. Что принялъ
Въ наслѣдство самъ, то имъ и завѣщаю.
О, безконечный и угрюмый мiръ
Скользящихъ тѣней, призраковъ-гигантовъ,
То явственныхъ, то смутныхъ, но всегда
Печальныхъ и величественныхъ, — что ты?
Жизнь или смерть?

Люциферъ. И жизнь и смерть.

Каинъ. Но что же
Тогда есть смерть?

Люциферъ. А развѣ не сказалъ вамъ
Создатель вашъ, что смерть — другая жизнь?

Каинъ. Мы отъ Него пока одно узнали —
Что мы умремъ.

Люциферъ. Придетъ, быть-можетъ, день,
Когда Онъ вамъ раскроетъ тайну эту.

Каинъ. Счастливыи день!

Люциферъ. О, да! Вѣдь эта тайна
Откроется въ невыразимыхъ мукахъ,
Соединенныхъ съ вѣчной адской мукой,
Еще не рожденнымъ, что родятся
Лишь для нея — для этой вѣчной муки.

Каинъ. Какъ величавы тѣни, что витаютъ
Вокругъ меня! Въ нихъ незамѣтно сходства
Ни съ духами, которыхъ видѣлъ я
На стражѣ заповѣдныхъ вратъ Эдема,
Ни съ смертными — съ моимъ отцомъ и бра-
томъ,

Со мной самимъ, съ моей сестрой, съ женою,
А между тѣмъ отличные отъ духовъ
И отъ людей своимъ непостижимымъ
Невиданнымъ мною обликомъ, они,
Безплотнымъ уступая, превышаютъ
Людей и красою горделивой,
И мощью, и величiемъ. У нихъ
Нѣтъ крыльевъ, какъ у ангеловъ, нѣтъ лика,
Какъ у людей, нѣтъ мощныхъ формъ животныхъ,
Нѣтъ ничего подобнаго тому,
Что видѣлъ я; они въ себѣ вмѣщаютъ

Всю красоту прекраснѣйшихъ, сильнѣйшихъ
Земныхъ существъ, но такъ не схожи съ ними,
Что я не знаю — были ли они
Когда-нибудь живыми существами?

Люциферъ. Когда-то были.

Каинъ. Были? Гдѣ?

Люциферъ. Гдѣ ты
Живешь.

Каинъ. Когда?

Люциферъ. Когда владѣли міромъ,
Который называешь ты землей.

Каинъ. Но въ этомъ мірѣ первый — мой родитель.

Люциферъ. Изъ васъ онъ, правда, первый, но
изъ нихъ

Онъ даже не достоинъ быть послѣднимъ.

Каинъ. А кто они?

Люциферъ. Они есть то, чѣмъ будутъ
Всѣ смертные.

Каинъ. А были чѣмъ?

Люциферъ. Живыми,
Великими, разумными, — во всемъ
Насколько превышавшими Адама,
Насколько сынъ Адама превышаетъ
Своихъ потомковъ будущихъ.

Каинъ. Увы!

И всѣ они погибли, всѣ исчезли
Съ лица земли?

Люциферъ. Съ лица *своей* земли,

Какъ нѣкогда и ты съ своей исчезнешь.

Каинъ. Но ты сказалъ, что прежде ихъ землею
Была моя?

Люциферъ. Была.

Каинъ. Но измѣнилась.

Моя земля для нихъ была бы слишкомъ
Ничтожна.

Люциферъ. Да, она при нихъ была
Прекраснѣе.

Каинъ. И почему такъ пала?

Люциферъ. Спроси Его.

Каинъ. Но какъ Онъ это сдѣлалъ?

Люциферъ. Смѣшаніемъ стихій, преобразившихъ
Лицо земли. Но дальше, — созерцай
Минувшее.

Каинъ. Минувшее ужасно!

Люциферъ. Но истинно. Смотри на эти тѣни:
Онѣ когда-то жили и дышали,
Какъ ты теперь.

Каинъ. И нѣкогда я буду
Подобенъ имъ?

Люциферъ. На это пусть отвѣтитъ
Создатель вашъ. Я показалъ, чѣмъ стали
Предшественники ваши. Созерцай ихъ,
Иль, если это тяжело для тебя,
Вернись къ землѣ, къ своимъ трудамъ: ты
будешь

Перенесенъ на землю невредимо.

Каинъ. Я здѣсь останусь.

Люциферъ. Надолго?

Каинъ. Навѣки.

Я все равно сюда вернуться долженъ,
Мнѣ тяжело жить на землѣ: такъ лучше
Остаться здѣсь.

Люциферъ. Но это невозможно:
Миръ призраковъ — дѣйствительность, а ты
Теперь ихъ созерцаешь какъ видѣнье.
Чтобъ раздѣлить обитель ихъ, ты долженъ
Войти сюда вратами смерти — такъ же,
Какъ и они.

Каинъ. Какими же вратами
Входили мы?

Люциферъ. Моими. Ты на землю
Вернуться долженъ; въ царствѣ бездыханныхъ
Ты дышишь только мною. Не мечтай же
Остаться въ немъ, пока твой часъ не пробить.

Каинъ. А вотъ они, — скажи, они не могутъ
На землю возвратиться?

Люциферъ. Ихъ земля
Прошла навѣки: бурныя стихіи
Лицо земли такъ рѣзко измѣнили,
Что на ея поверхности теперь
Едва ль найдется атомъ, имъ знакомый.
А это былъ прекрасный, — о, какой
Прекрасный миръ!

Каинъ. Онъ и теперь прекрасенъ.
Я не съ землей, хотя на ней тружусь я,
Веду вражду, а съ тѣмъ, что я беру
Все, что она прекраснаго приноситъ,

Цѣной труда, что, жаждая познанья,
Не въ силахъ этой жажды утолить,
Что на землѣ меня приводитъ въ трепетъ
И жизнь и смерть.

Люциферъ. Чѣмъ сталъ твой миръ, ты видишь,
Но чѣмъ онъ былъ — не можешь и по-
стигнуть.

Каинъ. А это кто? Вотъ эти исполины,
Которые, мнѣ кажется, похожи
На дикихъ обитателей дремучихъ
Земныхъ лѣсовъ, но только въ десять разъ
Громаднѣй и страшнѣе тѣхъ, громаднѣй,
Чѣмъ стѣны Рая, — эти привидѣнья,
Чьи очи пламенѣютъ, какъ мечи
Въ десницахъ херувимовъ, стерегущихъ
Эдемскій садъ, и чьи клыки торчатъ,
Какъ голыя деревья?

Люциферъ. Это то же,
Что мамонты земные. Мириады
Такихъ существъ лежатъ въ землѣ.

Каинъ. И больше
Ужъ нѣтъ такихъ?

Люциферъ. Нѣтъ; если бъ вамъ пришлось
Вступитъ въ борьбу съ такими существами,
То вы могли бы сдѣлать бесполезнымъ
Проклятiе, висящее надъ вами:
Такъ скоро вы погибли бы.

Каинъ. Но развѣ
Борьба необходима?

Люциферъ. Ты забылъ
Завѣтъ Того, Кто васъ изгналъ изъ Рая:
«Борьба со всѣмъ, что дышитъ, смерть
всему,

И всѣмъ болѣзни, скорби и мученья» —
Плодъ дерева запрещеннаго.

Каинъ. Но звѣри —
Они вѣдь не касались дерева знанья?

Люциферъ. Вашъ Богъ сказалъ, что создалъ ихъ
для смертныхъ,

А смертныхъ — для создавашаго. Вы развѣ
Хотѣли бы, чтобъ участь ихъ была
Счастливейше, чѣмъ ваша? Грѣхъ Адама
Всѣхъ погубилъ.

Каинъ. Несчастные! Имъ тоже,
Какъ и сынамъ Адама, суждено
Страдать за грѣхъ, не ими совершенный,
За райскій плодъ, который не далъ знанья,
А далъ лишь смерть. Онъ оказался лживымъ,
Мы ничего не знаемъ. Онъ сулилъ
Намъ знаніе — ужасною цѣною,
Но знаніе; а что же знаемъ мы?

Люциферъ. Быть-можетъ, смерть дастъ высшее
познанье;

Вѣдь только смерть для смертныхъ несомнѣнна
И, значить, къ несомнѣнному приводить.
Нѣтъ, ты не правъ, — запретный плодъ не
лживъ,

Хотя и смертоносенъ.

Каинъ. Непонятный,

Угрюмый міръ!

Люциферъ. Твой часъ еще не пробилъ.
Матерія не можетъ въ совершенствѣ
Постигнуть духа. Все же ты узналъ,
Что есть міры такіе.

Каинъ. Я и прежде
О смерти зналъ.

Люциферъ. Но не о царствѣ смерти.
Каинъ. Оно мнѣ непонятно.

Люциферъ. Будетъ день,
Когда оно тебѣ понятнѣй станетъ.

Каинъ. А это безграничное пространство
Текучей ослѣпительной лазури,
Которое сравнилъ бы я съ водой,
Съ рѣкою, проходящей изъ Эдема
Близъ нашего жилища, если бъ только
Не эта безграничность, безпредѣльность,
Не этотъ цвѣтъ небесный, — это что?

Люциферъ. И этому лазурному пространству
Есть слабое подобье на землѣ,
И на его побережьяхъ поселятся
Твои потомки: призракъ океана.

Каинъ. Оно горитъ, какъ солнце, — цѣлый
міръ

Лазурныхъ водъ! Но въ этомъ яркомъ блескѣ,
Я различилъ играющихъ чудовищъ:
Что это?

Люциферъ. Призраки левіаѳановъ.

Каинъ. А этотъ непомѣрно-длинный змѣй
Съ струящеюся гривой, что воздвигнулъ
Чудовищную голову изъ бездны
И въ десять разъ превысилъ высочайшій
Эдемскій кедръ, — вотъ этотъ змѣй, что могъ

бы

Обвиться вкругъ небесныхъ тѣлъ, — похожъ ли
Онъ на того, что нѣжился когда-то
Подъ деревомъ въ Эдемѣ?

Люциферъ. Евѣ лучше
Извѣстенъ змѣй, ее прельстившій.

Каинъ. Этотъ
Ужасенъ слишкомъ. Вѣрно, искуситель
Красивѣй былъ.

Люциферъ. А ты его не видѣлъ?

Каинъ. Я гадовъ много видѣлъ, но того,
Что Евѣ далъ запретный плодъ, — ни разу.

Люциферъ. И твой отецъ его не видѣлъ?

Каинъ. Нѣтъ;
Вѣдь мой отецъ былъ соблазненъ не змѣемъ:
Змѣй соблазнилъ лишь Еву.

Люциферъ. О, невинность.

Когда тебя или сыновъ твоихъ
Смущаютъ жены чѣмъ-нибудь, что ново
И необычно, знай, что предъ тобой —
Самъ искуситель.

Каинъ. Слишкомъ запоздали
Твои совѣты: змѣямъ больше нечѣмъ
Женъ искушать.

Люциферъ. Но есть еще немало
Такихъ вещей, которыми и жены
Своихъ мужей и женъ мужья способны
Вводить въ соблазнъ: вамъ это надо помнить.
Я вамъ добра желаю, предлагаю
Подобные совѣты, — я даю ихъ
Въ ущербъ себѣ... хоть правда, что не будутъ
Имъ слѣдовать.

Каинъ. Мнѣ это непонятно.

Люциферъ. И къ лучшему! Твой мѣръ и ты такъ
юны!

Ты мнишь себя преступнымъ и несчастнымъ —
Не правда ли?

Каинъ. Преступнымъ — нѣтъ, но скорби
Я испыталъ не мало.

Люциферъ. Первородный
Сынъ перваго изъ смертныхъ! Твой удѣлъ—
Жить во грѣхѣхъ и скорби, но Эдемомъ
Покажутся тебѣ твои несчастья
Въ сравненіи съ тѣмъ, что ты узнаешь вскорѣ,
А то, что *ты* узнаешь, будетъ раемъ
Въ сравненіи съ тѣмъ, что испытать должны
Твои сыны . . . Но намъ пора на землю.

Каинъ. Ужели ты привелъ меня сюда
Лишь для того, чтобъ показать мнѣ это?

Люциферъ. Не ты ли жаждалъ знанія?

Каинъ. О, да
Но лишь затѣмъ чтобъ знаніе служило
Дорогой къ счастью.

Люциферъ. Если счастье въ знаньи,
То ты ужь счастливъ.

Каинъ. Правъ же былъ Творецъ,
Велѣвшій не касаться древа знанья!

Люциферъ. А если бы губительнаго древа
Не насаждалъ, еще бы лучше сдѣлалъ.

Однако и невѣдѣнїе зла
Отъ зла не ограждаетъ. Зло всеильно.

Каинъ. Я этому не вѣрю, нѣтъ! Я жажду
Душой добра!

Люциферъ. А кто его не жаждетъ?
Кто *любитъ* зло? Никто, ничто.

Каинъ. Но въ эти
Несмѣтные и дивные мїры,

Которые мы видѣли съ тобою,
Пока не погрузились въ царство смерти.
Не видетъ зло: такъ все они прекрасны!

Люциферъ. Ты видѣлъ ихъ лишь издали.

Каинъ. Но даль
Могла лишь уменьшать ихъ красоту:
Вблизи ихъ красота неизреченна.

Люциферъ. Но подойди къ прекраснѣйшему въ
мїрѣ

И приглядишься къ нему.

Каинъ. Я это дѣлалъ:
Вблизи оно еще прелестнѣй.

Люциферъ. Нѣтъ,
Тутъ есть обманъ. Скажи, о комъ ты
думалъ?

Каинъ. Я думалъ о сестрѣ моей. Все звѣзды,
Вся красота ночныхъ небесъ, вся прелесть
Вечерней тьмы, весь пышный блескъ разсвѣта,
Вся дивная плѣнительность заката,
Когда, слѣдя за уходящимъ солнцемъ,
Я проливаю сладостныя слезы
И, мнитесь, вмѣстѣ съ солнцемъ утопаю
Въ раю вечернихъ легкихъ облаковъ,
И сѣнь лѣсовъ, и зелень ихъ, и голось
Вечернихъ птицъ, поющій про любовь,
Сливающійся съ гимномъ херувимовъ,
Межъ тѣмъ, какъ тьма ужь рѣбеть надъ Эде-
момъ,

Все, все — ничто предъ красою Ады.
Чтобъ созерцать ее, я отвращаю
Глаза свои отъ неба и земли.

Люциферъ. Но если ты владѣешь существомъ
Столь дивной красоты, то почему
Несчастенъ ты?

Каинъ. Зачѣмъ я существую
И почему несчастенъ ты, и все,
Что существуетъ въ мїрѣ, все несчастно?
Вѣдь даже тотъ, кто создалъ всѣхъ несчастныхъ,
Не можетъ быть счастливымъ: созидать,
Чтобъ разрушать — печальный трудъ! Роди-
тель

Намъ говорить: Онъ всемогущъ, — зачѣмъ же
Есть въ мїрѣ зло? Объ этомъ много разъ
Я спрашивалъ отца, и онъ отвѣтилъ,

Что это зло — лишь путь къ добру. Ужасный
И странный путь! Я видѣлъ, какъ ягненка
Ужалили гадъ: онъ извивался въ мукахъ,
А подлѣ matka жалобно блеяла;
Тогда отецъ нарвалъ и положилъ
Какихъ-то травъ на рану, и ягненокъ,
До этого безпомощный и жалкій,
Сталъ возвращаться къ жизни понемногу
И скоро ужъ безопасно припадалъ
Къ сосцамъ своей обрадованной матки,
А та, вся трепеща, его лизала.
Смотри, мой сынъ, сказалъ Адамъ, какъ зло
Родить добро.

Люциферъ. Что жъ ты ему отвѣтилъ?

Каинъ. Я промолчалъ, — вѣдь онъ отецъ мой, —
только

Тогда жъ подумалъ; лучше бы ягненку
Совсѣмъ не быть ужаленнымъ змѣею,
Чѣмъ возвратиться къ жизни, столь короткой,
Цѣною мукъ.

Люциферъ. Но ты сказалъ, что ты
Изъ всѣхъ существъ, тобой любимыхъ, любишь
Всего сильнѣе ту, что воспиталась
Съ тобой одною грудью и питаетъ
Своей — твоихъ малютокъ.

Каинъ. Да, сказалъ:

Чѣмъ былъ бы я безъ Ады?

Люциферъ. Тѣмъ, чѣмъ я.

Каинъ. Ты чуждъ любви.

Люциферъ. А Онъ, твой Богъ, что любить?
Каинъ. Все сущее, какъ говорить отецъ;

Но, сознаюсь, я этого не вижу.

Люциферъ. Поэтому не можешь и судить,

Чужда ли мнѣ любовь иль нѣтъ. Есть
нѣчто

Великое и общее, въ которомъ

Все частное, какъ снѣгъ предъ солнцемъ,
таетъ.

Каинъ. *Какъ снѣгъ* — что это значить?

Люциферъ. Будь доволенъ

Невѣдѣниемъ того, что испытаютъ

Сыны сыновъ твоихъ, и наслаждайся

Тепломъ небесъ, не знающихъ зимы.

Каинъ. Но ты любилъ существъ, тебѣ подоб-
ныхъ?

Люциферъ. А ты — ты любишь самого себя?

Каинъ. Да, но не такъ, какъ ты, что украшаетъ

Мнѣ жизнь мою, что мнѣ дороже жизни,

Затѣмъ что я люблю ее.

Люциферъ. Ты любишь,

Плѣняясь красотой ея, какъ Ева

Плѣнилась райскимъ яблокомъ когда-то;

Но красота поблекнетъ — и любовь

Угаснетъ, какъ и всякое желанье.

Каинъ. Но отчего жъ поблекнетъ красота?

Люциферъ. Отъ времени.

Каинъ.

Но дни идутъ, проходятъ,

А Ева и Адамъ еще прекрасны,

Не такъ, какъ серафимы, какъ сестра,
Но все жъ прекрасны.

Люциферъ. Время безпощадно
Измѣнить ихъ.

Каинъ. Мнѣ это очень больно;
Но все жъ я не могу себѣ представить,
Что разлюблю когда-нибудь сестру,
И если красота ея поблекнетъ,
То, думаю, создатель красоты,
При гибели прекраснаго созданья,
Утратить долженъ болѣе, чѣмъ я.

Люциферъ. Мнѣ жаль тебя: ты любишь то, что
гибнетъ.

Каинъ. Какъ мнѣ — тебя: ты ничего не любишь.

Люциферъ. А братъ — ты любишь брата?

Каинъ. Да, люблю.

Люциферъ. Его твой Богъ и твой отецъ такъ
любятъ!

Каинъ. И я люблю.

Люциферъ. Похвально и смиренно!

Каинъ. Смиренно?

Люциферъ. Да, вѣдь онъ не первородный
И съ дѣтства былъ любимцемъ Евы.

Каинъ. Что жъ,

Змѣй первымъ былъ любимцемъ, онъ — вторымъ

Люциферъ. Онъ и отца любимецъ.

Каинъ. И объ этомъ

Я не скорблю. Какъ будто я не долженъ

Любить того, кого отецъ мой любить!

Люциферъ. Но и Иегова, кроткій вашъ Владыка,
Всещедрый насадитель райскихъ кущъ,
На Авеля съ улыбкою взираетъ.

Каинъ. Я не видалъ Иеговы и не знаю,
Пристойно ли Иеговъ улыбаться.

Люциферъ. Такъ ангеловъ Иеговы видишь.

Каинъ. Рѣдко.

Люциферъ. И все-таки ты долженъ былъ замѣ-
тить,

Что Авель имъ угоденъ: отъ него

Всѣ жертвы восприимлются.

Каинъ. И пусть!

Зачѣмъ ты говоришь со мной объ этомъ?

Люциферъ. Затѣмъ, что ты объ этомъ много ду-
малъ.

Каинъ. А если бы и думалъ, — для чего
Будить во мнѣ . . . (Въ волненіи останавливается)
Духъ! Мы съ тобою въ мірѣ,

Далекомъ отъ земли; не говори же

Мнѣ о землѣ. Ты показалъ мнѣ много

Чудснаго; ты показалъ мнѣ мощныхъ

Предшественниковъ нашихъ, попиравшихъ

Ту землю, отъ которой ущѣлѣлъ

Одинъ обломокъ; ты мнѣ показалъ

Тьмы темъ міровъ, среди которыхъ тускло

Мерцаетъ нашъ ничтожный міръ, теряясь

Въ воздушной безконечности; ты тѣни

Въ зловѣщемъ царствѣ смерти показалъ мнѣ;

Ты много показалъ мнѣ — но не все:

Дай мнѣ узрѣть обители Иеговы,
Или свою обитель: гдѣ онѣ?
Люциферъ. Здѣсь и вездѣ — въ пространствѣ
безконечномъ.

Каинъ. Но есть же у тебя и у Иеговы
Какой-нибудь пріютъ опредѣленный?
Онъ есть у всѣхъ. Землей владѣютъ люди,
Въ другихъ мірахъ свое есть население,
У всѣхъ живыхъ созданий есть своя
Особая стихія; ты сказала мнѣ,
Что даже бездыханнымъ есть обитель,
Такъ значить, есть и Богу, и тебѣ.
Вы вмѣстѣ обитаете?

Люциферъ. Мы вмѣстѣ
Лишь царствуемъ; но обитаемъ порознь.

Каинъ. О, если бъ былъ одинъ изъ васъ! Быть-
можетъ,
Единство цѣли создало бъ согласье
Стихій, теперь враждующихъ! И что
Васъ привело къ такой враждѣ, — васъ, муд-
рыхъ

И безконечныхъ? Развѣ вы не братья
По сущности, по естеству и славѣ?

Люциферъ. А вы — вы братья съ Авелемъ?

Каинъ. Мы братья.

И братьями останемся. Но если бъ
И не были мы братьями: духъ развѣ
Подобенъ намъ? Какъ можетъ враждовать
Безсмертный съ безконечнымъ, превращая

Весь міръ въ обитель скорби? И за что?
Люциферъ. За власть.

Каинъ. За власть? Но ты мнѣ говорилъ
Что оба вы безсмертны.

Люциферъ. Да, безсмертны.

Каинъ. А голубая бездна безднъ пространства
Не безконечна развѣ?

Люциферъ. Безконечна.

Каинъ. Такъ царствуйте въ ней оба, не враждуя.
Иль тѣсно вамъ?

Люциферъ. Мы царствуемъ въ ней *оба*.

Каинъ. Но зло творить — одинъ изъ васъ.

Люциферъ. Который?

Каинъ. Ты! Развѣ ты не можешь на землѣ
Творить добро? Ты можешь, но не хочешь.

Люциферъ. Пусть Онъ творить. Вы — не мои
созданья,

Онъ создалъ васъ.

Каинъ. Такъ предоставь отцу
Его дѣтей, Имъ созданныхъ. Открой мнѣ
Свою или *Его* обитель.

Люциферъ. Я
Могу открыть ихъ обѣ. Но настанетъ
Великій часъ, когда одна изъ нихъ
Откроется *навѣки* предъ тобою.

Каинъ. Но не теперь?

Люциферъ. Твой смертный умъ не въ силахъ
Постигнуть даже малаго — того
Что видѣлъ ты. И ты стремишься къ Тайнѣ!

Къ великой ипостаси Двухъ Началь!
Къ ихъ сокровеннымъ тронамъ! Прахъ! Ты
дерзокъ.

Но зрѣть хотя одно изъ нихъ — есть смерть.
Каинъ. Пусть я умру — но только бы узрѣть ихъ!
Люциферъ. Рѣчь сына той, что обольстилась
зміемъ!

Но эта смерть — безплодной смертью будетъ.
Каинъ. Но развѣ смерть ихъ не откроетъ?
Люциферъ. Смерть —

Преддверіе.

Каинъ. Такъ, значить, смерть приводитъ
Къ чему-нибудь разумному! Теперь
Я менѣ боюсь ея.

Люциферъ. И, значить,
Тебѣ пора на землю возвратиться,
Гдѣ долженъ ты умножить родъ Адама,
Ѣсть, пить, любить, дрожать за жизнь, ра-
ботать,

Смѣяться, плакать, спать — и умереть.

Каинъ. Но если такъ, скажи, съ какою цѣлью
Блуждали мы?

Люциферъ. Но ты стремился къ знанью;
А все, что я открылъ тебѣ, вѣщаешь:
Познай себя.

Каинъ. Увы! Я познаю,
Что я — ничто.

Люциферъ. И это непреложный
Итогъ людскихъ познаній. Завѣщай

Свой опытъ дѣтямъ, — это ихъ избавить
Отъ многихъ мукъ.

Каинъ. Высокомѣрный духъ!
Ты властенъ, да: но есть и надъ тобою
Владыка.

Люциферъ. Нѣтъ! Клянуся небомъ, гдѣ!
Лишь *Онъ* царить! Клянуся бездной, сонмомъ
Міровъ и жизнью, *намъ* подвластныхъ — нѣтъ!
Онъ побѣдитель мой — но не владыка,
Весь міръ предъ Нимъ трепещетъ, — но не я:
Я съ Нимъ въ борьбѣ, какъ былъ въ борьбѣ и
прежде,

На небесахъ. И не устану вѣчно
Бороться съ Нимъ, и на вѣсахъ борьбы
За міромъ міръ, свѣтило за свѣтиломъ,
Вселенная за новою вселенной
Должна дрожать, пока не прекратится
Великая нещадная борьба,

Доколѣ не погибнетъ Адонаи
Иль врагъ Его! Но развѣ это будетъ?

Какъ угасить безсмертіе и нашу
Неугасимую взаимную вражду?

Онъ побѣдилъ, и тотъ, кто побѣжденъ Имъ,
Тотъ названъ зломъ; но благъ ли побѣдившій?
Когда бы *мнѣ* досталася побѣда,
Зломъ былъ бы *Онъ*. Вотъ васъ, еще недавно
Пришедшихъ въ міръ, еще столь юныхъ смерт-
ныхъ,

Какими одарилъ Онъ васъ дарами?

Каинъ. Немногими — и горькими.

Люциферъ.

Вернись же

Къ своей землѣ, вкуси и остальныхъ
Его небесныхъ милостей. Даятель
Добра и зла не создалъ ихъ такими,
Добро и зло суть сами по себѣ.
Но, если Онъ даетъ добро, — зовите
Его благимъ; а если отъ Него
Исходитъ зло, то изыщите вѣрный
Источникъ зла, — не говорите: это
Свершилъ злой духъ. Одинъ лишь добрый даръ
Дало вамъ древо знанія — вашъ разумъ:
Такъ пусть онъ не трепещетъ грозныхъ словъ
Тирана, принуждающаго вѣрять
Наперекоръ и чувству и разуму.
Терпи и мысли — созидай въ себѣ
Миръ внутренній, чтобъ внѣшняго не видѣть:
Сломи въ себѣ земное естество
И приобщись духовному началу! (Исчезаютъ)

АКТЪ ТРЕТІИ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мѣстность близь Эдема

Каинъ и Ада

Ада. Иди тихонько, Каинъ.

Каинъ. Хоршо;

Но почему?

Ада. Вонъ тамъ подъ кипарисомъ

Спитъ на листьѣ нашъ мальчикъ.

Каинъ. Кипарись!

Угрюмый онъ, зачѣмъ ты положила

Подъ нимъ дитя? Онъ смотритъ такъ, какъ
будто

Оплакиваетъ то, что осѣняетъ.

Ада. Но онъ вѣтвистъ, подъ нимъ темно, какъ
ночью.

Онъ точно созданъ, чтобы охранять

Отъ зноя спящихъ.

Каинъ. Спящихъ сномъ послѣднимъ

И вѣчнымъ. Но веди меня къ Эноху.

(подходить къ ребенку)

Какъ онъ красивъ! Какъ разгорѣлись щечки!

Румянецъ ихъ не уступаетъ розамъ,
Разсыпаннымъ подъ нимъ.

Ада. А посмотри,
Какъ хорошо полуоткрылъ онъ губки!
Нѣтъ, не цѣлуй; онъ скоро самъ проснется,
Онъ выспался, но жаль будить!

Каинъ. Да, правда,
Я удержусь пока отъ искушенья.
Онъ спитъ и улыбается! Спи мирно
И улыбайся, маленькій наслѣдникъ
Земли такой же юной, какъ ты самъ!
Спи, улыбаясь! Ты переживаешь
Часы и дни невинности и счастья.
Ты не срывалъ запретнаго плода,
Не знаешь наготы своей. Нѣстанетъ
И для тебя часъ кары за какой-то
Тяжелый грѣхъ, котораго ни ты,
Ни я не совершали; но покуда
Спи безмятежно! Щечки раскраснѣлись,
Изъ-подъ рѣсницъ трепещущихъ и темныхъ,
Какъ кипарисъ, колеблемый надъ нимъ,
Просвѣчиваетъ ясною лазурью
Дремотная улыбка . . . Спитъ и грезить —
О чемъ? О Раѣ! . . . Грезь о немъ, мечтай,
Мой мальчикъ обездоленный! Онъ — греза:
Ужъ никогда и никому изъ смертныхъ
Не быть въ его обители блаженной!

Ада. Не сѣтуй, милый Каинъ, не тоскуй
О прошломъ надъ малюткою! Что пользы

Весь вѣкъ Эдемъ оплакивать? Ужели
Нельзя создать другого?

Каинъ. Гдѣ?
Ада. Гдѣ хочешь:

Разъ ты со мной — я счастлива безъ Рая.
Иль у меня нѣтъ мужа, нѣтъ малютки,
Родителя и брата, кроткой Селлы
И матери, которой мы столь многимъ
Обязаны — помимо жизни?

Каинъ. Смертью
Мы тоже ей обязаны.

Ада. О, Каинъ!
Тотъ гордый духъ, съ которымъ ты ходилъ,
Тебя еще сильнѣе печалилъ.
Я думала, что дивныя видѣнья,
Которыя тебѣ онъ обѣщаль,
Тьмы тьмъ міровъ отжившихъ и живущихъ,
Которые ты видѣлъ, успокоятъ,
Насытятъ умъ твой знаніемъ; но вижу,
Что духъ принесъ одно лишь зло. И все же
Я благодарна духу и готова
Простить его за то, что ты вернулся
Такъ скоро къ намъ.

Каинъ. Такъ скоро?

Ада. Да, прошло
Лишь два часа съ тѣхъ поръ, какъ мы растались,
Лишь два часа — по солнцу.

Каинъ. Я вблизи
Смотрѣлъ на это солнце, созерцалъ

Міры, что озарялись имъ когда-то,
Но никогда не озарятся больше,
И тѣ міры, что солнечнаго свѣта
Не вѣдали отъ вѣка: мнѣ казалось,
Что протекли года.

Ада. Едва часы.

Кайнъ. Такъ, значитъ, духъ нашъ время измѣряетъ
Тѣмъ, что онъ видитъ: радость или скорбь,
Величье иль ничтожество; я видѣлъ
Дѣянiя Безсмертныхъ, созерцалъ
Угасшiя свѣтила и, взирая
На вѣчное, участвовалъ, казалось,
И самъ въ его величiи; теперь
Я снова — прахъ и снова понимаю,
Что я — ничто: духъ истину сказалъ мнѣ.

Ада. Нѣтъ, духъ сказалъ неправду. Самъ Иегова
Не говорилъ намъ этого.

Кайнъ. Но создалъ
Ничтожествомъ; онъ поманилъ насъ Раемъ,
Безсмертiемъ, но сотворилъ изъ праха
И въ прахъ вернетъ — скажи, за что?

Ада. Ты знаешь,
За грѣхъ отца.

Кайнъ. А мы — въ чемъ *мы* виновны?
Онъ согрѣшилъ, пусть *онъ* и умираетъ.

Ада. Нехорошо сказалъ ты; это мысли
Того, кто былъ съ тобой, а не твои.
Я умереть готова — лишь бы жили
Отецъ и мать.

Кайнъ. Да, — если бъ можно было
Насытить этой жертвой Ненасытность,
И если бъ этотъ мирно спящiй крошка
И тѣ, что отъ него произойдутъ,
Не испытали смерти и страданiй.

Ада. Какъ знать, не будетъ ли когда-нибудь
Такою искупительною жертвой
Спасенъ весь родъ Адама?

Кайнъ. Искупленье!
Но въ чемъ мы виноваты? Почему
Я долженъ пасть за грѣхъ, не мной свершенный
Иль отъ другого жертвы ждать за этотъ
Таинственный и безыменный грѣхъ,
Весь состоявшiй только въ жаждѣ знанья?

Ада. Увы! Ты говоришь, что ты не грѣшенъ,
А самъ грѣшишь: твои слова — кощунство.

Кайнъ. Тогда оставь меня.

Ада. О, никогда,
Хотя бы самъ Творецъ тебя оставилъ!

Кайнъ. А это что такое?

Ада. Алтари,
Воздвигнутые Авелемъ. Онъ хочетъ
Свершить съ тобою жертву.

Кайнъ. Алтари!

А кто ему сказалъ, что я согласенъ
Дѣлать его корыстныя молитвы,
Въ которыхъ вовсе нѣтъ благоговѣнья,
А есть лишь страхъ? Мнѣ алтаря не нужно,
Мнѣ нечего сжигать на немъ.

Ада.

Но Богу

Всякъ даръ угоденъ, если этотъ даръ
Приносится съ душевнымъ сокрушеньемъ
И кротостью: сожги цвѣты, плоды . . .

Каинъ. Я сѣялъ, рылъ, я былъ въ поту, согласно
Проклятію; но что еще мнѣ дѣлать?
Смираннымъ быть — среди борьбы съ стихіей
За мой насущный хлѣбъ? Быть благодарнымъ
За то, что я во прахѣ пресмыкаюсь,
Зане я прахъ и возвращусь во прахъ?
Что я? Ничто. И я за это долженъ
Ханжою быть и дѣлать видъ, что очень
Доволенъ мукой? Каяться — но въ чемъ?
Въ грѣхѣ отца? Но этотъ грѣхъ давно
ужь

Искуплень тѣмъ, что претерпѣли мы,
И выше всякой мѣры искупится
Вѣками мукъ, предсказанныхъ въ проклятѣѣ.
Онъ сладко спитъ, мой мальчикъ, и не знаетъ,
Что въ немъ *одномъ* — зачатки вѣчной скорби
Для *миriadъ* сыновъ его! О, лучше бь
Схватить его и раздробить о камни,
Чѣмъ дать ему . . .

Ада. Мой Богъ! Не тронь дитя —

Мое дитя! *Твое* дитя! О, Каинъ!

Каинъ. Не бойся! За небесныя свѣтила,
За власть надъ ними, я не погревожу
Ничѣмъ малютку, кромѣ поцѣлуя.

Ада. Но рѣчь твоя ужасна!

Каинъ.

Я сказалъ

Что лучше умереть, чѣмъ жить въ му-
ченьяхъ

И завѣщать ихъ дѣтямъ! Если жь это
Тебя пугаетъ, скажемъ мягче: лучше бь
Ему совсѣмъ на свѣтъ не появляться.

Ада. О, нѣтъ, не говори такъ! А блаженство
Быть матерью — кормить, любить, лелѣять?
Но, чу! Онъ просыпается. Мой милый!
(Подходить къ ребенку)

О, посмотри, какъ полонъ жизни онъ,
Силь, красоты, здоровья! Какъ похожъ
Онъ на меня — и на тебя, но только
Когда ты кротокъ: мы вѣдь все тогда
Похожи другъ на друга; правда, Каинъ?
Люби же насъ — и самого себя,
Хоть ради насъ, — ты намъ обоимъ дорогъ!
Смотри, онъ засмѣялся, протянулъ
Къ тебѣ ручонки, смотреть яснымъ взоромъ
Въ твои глаза . . . Не говори о мукахъ!
Тебѣ могли бы сами херувимы
Завидовать, — они дѣтей не знаютъ.
Благослови его!

Каинъ.

Благословляю

Тебя, малютка, если только можетъ
Благословенье смертнаго отринуть
Проклятіе, завѣщанное змѣемъ.

Ада. Аминь. Благословеніе отца
Сильнѣе пресмыкающейся твари.

Каинъ. Я не увѣренъ въ атомъ. Но да будетъ
Надъ нимъ благословеніе!

Ада. Нашъ братъ
Идетъ сюда.

Каинъ. *Твой* братъ.

Авель (входя). Братъ Каинъ, здравствуй:
Господній миръ съ тобою!

Каинъ. Авель, здравствуй.

Авель. Сестра мнѣ говорила, что съ тобою
Бесѣдоваль какой-то духъ. Онъ ангель?

Каинъ. Нѣтъ.

Авель. Такъ зачѣмъ общаться съ нимъ? Быть-мо-
жетъ,

Онъ врагъ Творца.

Каинъ. И другъ людей. А былъ ли
Такимъ Творецъ, какъ ты назвалъ Его?

Авель. *Назвалъ* Его! Ты, Каинъ, нынче странный.
Иди, сестра, — мы совершимъ сожженье.

Ада. Прости на время, Каинъ! Поцѣлуй
Малютку-сына, — пусть его невинность
И Авеля молитвы возвратятъ

Тебѣ и миръ и вѣру! (Уходитъ съ ребенкомъ)

Авель. Гдѣ ты былъ?

Каинъ. Не знаю.

Авель. Какъ? Но, можетъ-быть, ты знаешь,
Что видѣлъ ты?

Каинъ. Безсмертіе и смерть,
Безмѣрность и величіе пространства,

Тьму темъ міровъ, отжившихъ и живущихъ,
Вихрь столбныхъ остлѣпляющихъ міровъ,
Солнць, лунъ и звѣздъ, въ ихъ громозвучныхъ
сферахъ,

Что я къ бесѣдѣ съ смертнымъ неспособенъ:
Оставь меня.

Авель. Твое лицо пылаетъ,
Твои глаза сверкаютъ страннымъ блескомъ,
Твои слова звучатъ необычайно.
Скажи, что это значитъ?

Каинъ. Это значитъ.
Прошу тебя, оставь меня!

Авель. Не прежде,
Чѣмъ мы съ тобой помолимся Творцу
И совершимъ предъ Нимъ сожженье.

Каинъ. Авель,
Прошу тебя — сверши его одинъ.
Тебя Іегова любить.

Авель. Я надѣюсь,
Обоихъ насъ.

Каинъ. Но болѣе тебя.
Я не смущаюсь этимъ: ты достойный
Слуга Творца, — такъ и служи Ему,
Но безъ меня.

Авель. Я былъ бы нечестивый
Сынъ нашего великаго отца,
Когда бъ не почиталъ тебя, какъ младшій,
И не просилъ тебя предъ алтаремъ
Главенствовать, какъ старшаго.

Каинъ. Мо я
Главенства никогда не домогался.
Авель. Тѣмъ мнѣ грустнѣй. Не откажи хоть нынче
Принять его: твоя душа томится
Подъ гнетомъ наводненія; молитва
Тебя бы успокоила.

Каинъ. Нѣтъ, Авель.
Ничто не дастъ душѣ моей покоя,
Да я и никогда, со дня рожденья,
Не зналъ его. Уйди, оставь меня,
Иль я уйду, чтобъ не мѣшать тебѣ
Идти къ своей благочестивой цѣли.

Авель. Нѣтъ, мы должны идти къ ней неразлучно.
Молю тебя объ этомъ!

Каинъ. Я согласенъ.
Что нужно дѣлать?

Авель. Выбери одинъ
Изъ алтарей.

Каинъ. Но я доволенъ буду
Любымъ изъ нихъ: я вижу въ нихъ лишь камень
Да свѣжій дернъ.

Авель. И все же нужно выбрать.

Каинъ. Я выбралъ.

Авель. Этотъ? Онъ и подобаеъ
Тебѣ, какъ первородному: онъ выше.
Теперь готовъ дары для всеожженья.

Каинъ. А гдѣ твои?

Авель. Вотъ первенцы отъ стада:
Смирная пастушеская жертва.

Каинъ. Я не имѣю стада, я земледѣлецъ,
И возложу на жертвенникъ плоды —
То, чѣмъ земля мой трудъ вознаграждаетъ.
(Разводятъ на алтаряхъ огонь)

Авель. Ты, братъ, какъ старшій, долженъ принести
Хвалу Творцу и всеожженье первый.

Каинъ. Нѣтъ, ты начни, — я въ этомъ неискусенъ;
Я буду подражать тебѣ.

Авель (преклоняя колѣни). О, Боже!

Ты, Кто вдохнулъ въ насъ дуновение жизни,
Кто создалъ насъ, благословилъ и не далъ

Погибнуть чадамъ грѣшнаго отца

Которыя погибли бы навѣки,

Когда бы правосудіе Твое

Не умѣрялось благодіемъ Твоею

Къ великимъ ихъ неправдамъ! Боже вѣчный,

Даятель жизни, свѣта и добра,

Единый вождь, ведущій все ко благу

Своею всемогущей, сокровенной,

Но непреложной благодіемъ! Прими

Отъ перваго изъ пастырей смиренныхъ

Сихъ первенцевъ отъ первородныхъ стада,

Даръ недостойный Господа, ничтожный,

Какъ все предъ Нимъ ничтожно, но несомый,

Какъ дань благодаренія того,

Кто, предъ лицомъ Твоихъ небесъ пресвѣтлыхъ

Слагая жертву эту, повергаетъ

Свой ликъ во прахъ, отъ коего онъ созданъ

И воздаеъ хвалу Тебѣ — вовѣки!

Каинъ (не преклоняя колѣнъ). Духъ, для меня
невѣдомый! Всесильный
И всеблагой — для тѣхъ, кто забываетъ
Зло дѣлъ твоихъ! Иегова на землѣ!
Богъ въ небесахъ, — быть-можетъ, и другое
Носящій имя, — ибо безконечны
Твои дѣла и свойства! Если нужно
Мольбами ублажать Тебя, — прими ихъ!
Прими и жертву, если нужно жертвой
Смягчать Твой духъ: два существа повергли
Ихъ предъ Тобою. Если кровь Ты любишь,
То вотъ алтарь дымящійся, облитый.
Тебѣ въ угоду, кровью жертвъ, что тлѣютъ
Въ кровавсмъ еиміамъ предъ Тобою.
А если и цвѣтушіе плоды,
Взлелѣянные солнцемъ лучезарнымъ,
И мой алтарь безкровный удостоишь
Ты милостью Своею, то воззри
И на него. Тотъ, кто его украсилъ,
Есть только то, что сотворилъ Ты самъ,
И ничего не ищетъ, что дается
Цѣной молитвы. Если дурень онъ,
Рази его, — вѣдь Ты могучъ и властенъ
Надъ беззащитнымъ! Если же онъ добръ,
То пощади — иль порази, — какъ хочешь,
Загѣмъ что все въ Твоихъ рукахъ: Ты даже
Зло именуешь благомъ, благо — зломъ,
И правъ ли Ты — кто знаетъ? Я не при-
звалъ

Судить о всемогуществѣ: вѣдь я
Не всемогущъ, — я рабъ Твоихъ велѣній!
(Огонь на жертвенникѣ Авеля разрастается въ столпъ ослѣ-
пительнаго пламени и поднимается къ небу: въ то же время
вихрь опрокидываетъ жертвенникъ Каина и далеко раски-
дываетъ по землѣ плоды)

Авель (колѣнопреклоненный). О, братъ, молись!
Ты прогнѣвилъ Иегову:
Онъ по землѣ твои плоды разсѣялъ.
Каинъ. Земля дала, пусть и возьметъ земля,
Чтобъ возродить ихъ сѣмя къ новой жизни.
Ты угодилъ кровавой жертвой больше:
Смотри, какъ небо жадно поглощаетъ
Огонь и дымъ, насыщенные кровью.
Авель. Не думай обо мнѣ; пока не поздно,
Готовъ другую жертву для сежженья.
Каинъ. Я больше жертвъ не буду приносить
И не стерплю . . .
Авель (вставая съ колѣнъ). Братъ! Что ты
хочешь дѣлать?
Каинъ. Низвергнуть въ прахъ угодника небесъ,
Участника въ твоихъ молитвахъ низкихъ —
Твой жертвенникъ, залитый кровью агнцевъ,
Вскормленныхъ и вспоенныхъ для закланья.
Авель (удерживая Каина). Не прибавляй без-
божныхъ дѣлъ къ безбожнымъ
Словамъ. Не тронь алтарь: онъ освященъ
Божественной отрадою Иеговы,
Его благоволеніемъ.

Каинъ. Его!

Его отрадой! Такъ Его отрада —
Чадъ алтарей, дымящихся отъ крови,
Страданія блеющихъ матокъ, муки
Ихъ дѣтищъ, умиравшихъ подъ твоимъ
Н. жомъ благочестивымъ! Прочь съ дороги!
Авель. Братъ, отступись! Ты имъ не завладѣешь

Насильственно; но если ты намѣренъ
Для новой жертвы взять его — возьми.

Каинъ. Для жертвы?! Прочь, иль этой жертвой
будетъ . . .

Авель. Что ты сказалъ?

Каинъ. Пусти! Пусти меня!
Твой Богъ до крови жаденъ, — берегись же:
Пусти меня, не то она прольется!

Авель. А я во имя Бога становлюсь
Межъ алтаремъ священнымъ и тобою:
Онъ Господу угоденъ.

Каинъ. Если жизнью
Ты дорожишь, — уйди и не мѣшай мнѣ.
Иначе я . . .

Авель. Богъ мнѣ дороже жизни.

Каинъ (поражая Авеля въ високъ головой, которую
схватилъ съ жертвенника).

Такъ пусть она и будетъ жертвой Богу!
Онъ любить кровь.

Авель (падая). Братъ! Что ты сдѣлалъ?!

Каинъ. Братъ!

Авель. О, Боже силъ! Прими мой духъ смиренный
И отпусти убійцъ: онъ не вѣдалъ,
Что дѣлаеть. Братъ Каинъ, дай мнѣ руку —
Дай руку мнѣ . . . скажи несчастной Селлѣ . . .

Каинъ (послѣ минутнаго оцѣпенѣнія).

Дать руку? . . . Руку? . . . Въ чемъ моя рука?

(Медленно озирается послѣ долгаго молчанія)

Гдѣ я? Одинъ! Гдѣ Авель? Каинъ, гдѣ ты?
Возможно ли, что Каинъ — я? Проснись,
Встань, братъ! Скажи, зачѣмъ ты легъ на землю?
Теперь не ночь . . . И отчего ты блѣденъ?

Братъ, что съ тобой? . . . Ты былъ еще сегодня
Такъ полонъ жизни! Авель, не шути, —
Прошу тебя. Ударъ мой былъ ужасенъ,
Но онъ вѣдь не смертеленъ . . . Ахъ, зачѣмъ
Ты шелъ ему навстрѣчу? Я ударилъ,
Но вѣдь ударилъ только! О, я знаю, —
Ты хочешь напугать меня! Вздохни,
Пошевелись, — хоть разъ пошевелился!
Вотъ такъ . . . вотъ такъ . . . Ты дышишь!
Братъ! Дыши!

О, Боже мой!

Авель (едва слышно.) Кто здѣсь вызываетъ къ
Богу?

Каинъ. Убійца твой.

Авель. Пусть Богъ ему отпу-
ститъ.

Братъ, не забудь о Селлѣ; у нея

Братъ — только ты. (Умираеть)

Каинъ.

А у меня нѣтъ брата!...

Но онъ глядитъ! Такъ онъ не мертвъ? Вѣдь смерть

Подобна сну, а сонъ смыкаетъ очи . . .

Вотъ и уста открыты — значить, дышать?

Но нѣтъ, они не дышатъ! . . . Сердце, сердце—

Послушаю, не бьется ль сердце? . . . Нѣтъ!

Такъ гдѣ же я? Во снѣ иль наяву,

Въ какомъ-то страшномъ мѣрѣ? Все кружится

Въ глазахъ моихъ . . . А это что? Роса?

(Касается рукой лба, потомъ смотритъ на нее)

Нѣтъ, не роса! Нѣтъ, это кровь — кровь брата,

И эта кровь — мной пролита! Но что же

Мнѣ жизнь теперь, когда я отнялъ жизнь,

Исторгнувъ духъ изъ столь родной мнѣ плоти?

Но онъ не мертвъ! Смерть развѣ есть молчанье?

Нѣтъ, встанетъ онъ, — я буду ждать, я буду

Стеречь его. Вѣдь жизнь не столь ничтожна,

Чтобъ такъ легко угаснуть. И давно ли

Онъ говорилъ? Скажу ему . . . Но что?

Братъ! . . . Нѣтъ, не такъ — онъ мнѣ не отзо-

вется

На этотъ зовъ: братъ не убилъ бы брата . . .

И все-таки . . . И все-таки — хоть слово!

Хоть тотъ звукъ изъ милыхъ устъ, чтобъ я

Могъ выносить звукъ собственного слова!

(Входитъ Селла)

Селла. Я слышу стонъ, — кто стонетъ здѣсь?

Вонъ Каинъ,

Вонъ Авель распростертый . . . Каинъ, что ты
Здѣсь дѣлаешь? Онъ задремалъ? О, небо!
Онъ блѣденъ, онъ . . . Нѣтъ, то не кровь! От-
куда

Возьмется кровь? Откуда? Авель, Авель!

Что это значить? Что съ тобой? . . . Не ды-
шать,

Не движется: рука скользитъ, какъ камень,

Изъ рукъ моихъ! О, безсердечный Каинъ!

Какъ могъ ты не поспѣть къ нему на помощь?

Ты бѣ отразилъ убійцу, ты могучъ,

Ты долженъ былъ спасти его . . . Родитель!

Мать! Ада! гдѣ вы? Въ мѣрѣ — Смерть!

(Убѣгаетъ, призывая родителей)

Каинъ.

Да, смерть!

И это я, который ненавидѣлъ

Такъ страстно смерть, что даже мысль о смерти

Всю жизнь мнѣ отравила, — это я

Смерть въ мѣрѣ призвалъ, чтобъ собственного

брата

Толкнуть въ ея холодныя объятія!

Я наконецъ проснулся, — обезумилъ

Меня мой сонъ, — а онъ ужъ не проснется!

(Входятъ Адамъ, Ева, Ада и Селла)

Адамъ. Я прихожу на скорбный голосъ Селлы.

Что вижу я? Такъ это правда? Сынъ мой!

Вотъ, женщина, слѣдъ змѣя!

Ева.

О, молчи,

Молчи о немъ: глубоко зубы змѣя

Впились мнѣ въ грудь! Мой ненаглядный
Авель! . . .

Иегова! наказанье превышаеть
Мои грѣхи!

Адамъ. Кто это сдѣлалъ, Каинъ?
Ты былъ при немъ, — скажи, кто это сдѣлалъ?
Враждебный ли намъ ангелъ, отступившій
Отъ Господа, иль дикій звѣрь лѣсной?

Ева. Ахъ, въ этой тьмѣ, какъ молнія, сверкаетъ
Зловѣщій свѣтъ: вонъ головня, — смотрите,
Она въ крови!

Адамъ. Скажи хоть слово, Каинъ,
Скажи и убѣди насъ, что въ несчастѣ
Мы не вдвойнѣ несчастны.

Ада. Отвѣчай имъ,
Скажи, что ты невиненъ.

Ева. Онъ виновенъ,
Теперь я это вижу; онъ поникъ
Преступной головой и закрываетъ
Свирѣпый взоръ кровавыми руками.

Ада. Мать, ты несправедлива . . . Каинъ, что же
Ты не разсѣбешъ страшныхъ обвиненій,
Сорвавшихся съ устъ матери въ минуту
Безумныхъ мукъ?

Ева. Внемли мнѣ, о, Иегова!
Будь проклять онъ проклятьемъ вѣчнымъ
змія!

Да будетъ онъ снѣдаемъ вѣчной скорбью,
Да будетъ . . .

Ада. Мать! Остановись, — онъ
сынъ твой,

Онъ мой супругъ, онъ братъ мой . . .

Ева. Онъ лишилъ
Тебя родного брата, Селлу — мужа,
Меня — родного сына. Будь же онъ
Навѣки скрытъ отъ глазъ моихъ! Всѣ узы
Я разрываю съ нимъ, не пощадившимъ
Связь братскихъ узъ. О, смерть! Не я ль ввела
Тебя въ нашъ міръ? Зачѣмъ же не меня ты
Взяла отъ міра?

Адамъ. Ева! Ты доводишь
Свою печаль до ропота на Бога.
Нашъ тяжкій рокъ былъ намъ давно предска-
занъ,

И вотъ сбылось реченное, — склонимъ же
Свою главу предъ Господомъ: да будетъ
Его святая воля!

Ева. Не Господь —
Нѣтъ, это онъ, вотъ этотъ призракъ Смерти,
Котораго на свѣтъ я породила,
Чтобъ онъ усѣялъ землю мертвецами, —
Повергъ его! Да будутъ же надъ нимъ
Проклятья всѣхъ живущихъ, и въ мученьяхъ
Пусть онъ бѣжитъ въ пустыню, какъ бѣжали
Изъ Рая мы, пока родныя дѣти
Не умертвятъ братоубійцу! Пусть
Горящими мечами херувимовъ
Преслѣдуемъ онъ будетъ дни и ночи!

Пусть всё плоды земные превратятся
Въ его устахъ во прахъ и пепель, — змѣи
Утелятъ всё пути его, — листву,
Гдѣ онъ главу усталую преклонить,
Усѣютъ скорпионы! Пусть онъ грезитъ
Во снѣ своєю жертвой, наяву —
Зреть лишь одно — злобѣщій образъ Смерти!
Пусть всё ручьи, когда, сгорая жаждой,
Прильнетъ онъ къ нимъ нечистыми устами,
Ручьями крови стануть! Пусть стихіи
Его врагами будутъ! Пусть живетъ онъ
Въ мученіяхъ, въ которыхъ умираютъ,
А смерть ему пусть будетъ хуже смерти!
Сгинь съ глазъ, братоубійца! Этотъ звукъ
Отнынѣ міръ замѣнитъ словомъ *Каинъ*,
И будетъ ненавистенъ онъ вовѣки
Для миріады сыновъ твоихъ. Пусть всюду,
Гдѣ ступишь ты, трава изсохнетъ! Пусть
Зеленый лѣсъ тебѣ откажетъ въ сѣни,
Земля — въ жилищѣ, прахъ — въ могилѣ,
солнце —

Въ сіяніи, и небеса — въ ихъ Богѣ! (Уходитъ)
Адамъ. Иди отъ насъ: мы жить не можемъ вмѣстѣ.
Иди! Оставь усопшаго — отнынѣ
Я одинокъ — мы не должны встрѣчаться.
Ада. Отецъ, будь милосердъ! Не прибавляй
Къ проклятыямъ Евы новаго проклятья!
Адамъ. Я не клянусь. Его проклятье — совѣсть.
Селла! Идемъ.

Селла. Мой долгъ — остаться здѣсь,
Надѣ тѣломъ мужа.
Адамъ. Мы сюда вернемся,
Дай лишь уйти тому, кто уготовалъ
Тебѣ твой долгъ ужасный.

Селла. Дай хоть разъ
Поцѣловать мнѣ хладный прахъ и эти
Уста, навѣкъ остывшія. О, Авель!
(Уходятъ Адамъ и Селла)

Ада. Ты слышалъ, Каинъ: мы должны идти.
Я въ путь уже готова, — остается
Намъ взять дѣтей. Я понесу Эноха,
Ты — дѣвочку. Намъ надо до заката
Найти ночлегъ, чтобы не идти пустыней
Подъ кровомъ тьмы. Но ты молчишь, не хочешь
Отвѣтить мнѣ — твоей супругѣ, Адѣ?
Каинъ. Оставь меня.

Ада. Но ты оставленъ всѣми!
Каинъ. И ты оставь. Ты развѣ не страшишься
Жить съ Каиномъ, съ убійцей?

Ада. Я страшусь
Лишь одного — съ тобой разлуки. Трепетъ
Внушаетъ мнѣ твой тяжкій грѣхъ, но мнѣ ли
Судить его? Судья — Всевышній.

Голосъ. Каинъ!

Ада. Ты слышишь голосъ?

Голосъ. Каинъ! Каинъ!

Ада. Слышишь?

То голосъ ангела. (Входитъ Ангель Господень)

Ангель. Гдѣ братъ твой, Авель?

Каинъ. Я развѣ сторожъ Авеля?

Ангель О, Каинъ!

Что сдѣлалъ ты? Гласъ неповинной крови
Ко Господу взываетъ. Проклять ты
Отнынѣ всей землею, что отверзла
Свои уста, чтобъ эту кровь пріять.
За тяжкій трудъ она тебѣ отнынѣ
Не дастъ плода. Скитальцемъ безпріютнымъ
Ты будешь жить отнынѣ.

Ада. Онъ не въ силахъ

Перенести такого наказанья;
Вотъ ты изгналъ его съ лица земли,
И скроется онъ отъ лица Господня,
Изгнанникъ и скиталецъ на землѣ,
И будетъ беззащитенъ: всякій встрѣчный
Убьетъ его.

Каинъ. О, если бы! Но кто
Убьетъ меня? Кто встрѣтитъ на безлюдной,
Пустой землѣ?

Ангель. Но ты — убійца брата:
Кто можетъ защитить тебя отъ сына?

Ада. Будь милосердъ, пресвѣтлый! Какъ помыс-
лить,

Что эта грудь скорбящая питаетъ
Отцеубійцу лютаго?

Ангель. Онъ будетъ
Тогда лишь тѣмъ, чѣмъ былъ его отецъ.
Грудь Евы не питала ли въ дни оны

Того, кто здѣсь теперь лежитъ во прахѣ?

Братоубійца можетъ породить

Отцеубійца. Но этого не будетъ:

Мой Богъ велитъ мнѣ положить печать
На Каина, чтобъ онъ въ своихъ скитаньяхъ
Былъ невредимъ. Тому въ семь разъ воздастся,
Кто посягнетъ на Каина. Приблизься.

Каинъ. Скажи, зачѣмъ?

Ангель. Затѣмъ, чтобъ заклеимъ
Твое чело, да огражденъ ты будешь
Отъ рукъ убійць.

Каинъ. Нѣтъ, лучше смерть!

Ангель (налагая клеймо на чело Каина). Ты долженъ
И будешь жить.

Каинъ. Мое чело пылаетъ,
Но мозгъ горитъ сильнѣе во сто кратъ.

Ангель. Строптивъ ты былъ и жестокъ съ дня
рожденья,

Какъ почва, надъ которою отнынѣ
Ты осужденъ трудиться; онъ же — кротокъ,
Какъ овцы стадъ, которыя онъ пасъ.

Каинъ. Я былъ зачатъ въ дни первыхъ слезъ о Раѣ
Когда отецъ еще скорбѣлъ о немъ,
А мать была еще подъ властью змія.
Я сынъ грѣха; я не стремился къ жизни,
Не самъ создалъ свой темный духъ; но если бѣ
Я могъ своею собственною жизнью
Дать жизнь ему . . . Ужели даже смерть
Не приметъ этой жертвы? Онъ возстанетъ,

Я буду мертвъ; онъ былъ угодень Богу,
Такъ пусть онъ вновь восприметъ жизньъ, а я
Лишусь ея томительнаго ига!

Ангель. Ты долженъ жить. Твой грѣхъ — неиз-
гладимый.

Иди, исполни дни свои — и впредъ
Не омрачай ихъ новыми грѣхами. (Исчезаетъ)

Ада. Онъ отошелъ. Пойдемъ и мы. Я слышу
Плачь нашего малютки.

Каинъ. О, малютка
Не знаетъ самъ, о чемъ онъ плачетъ; я же,
Пролившій кровь, ужъ не могу лить слезъ,
Хотя всѣхъ рѣкъ Эдема не хватило бъ,
Чтобъ смыть мой грѣхъ. Увѣрена ли ты,
Что отъ меня мой сынъ не отвернется?

Ада. Когда бъ не такъ, то я . . .

Каинъ. Оставь угрозы,
Не мало мы внимали имъ; иди,
Бери дѣтей — я буду за тобою.

Ада. Я одного тебя здѣсь не оставлю.
Уйдемъ отсюда вмѣстѣ.

Каинъ. О, безмолвный
И вѣчный обличитель! Ты, чья кровь
Весь мѣръ мнѣ затемняетъ! Я не знаю,
Что ты теперь; но если взоръ твой видитъ,
Чѣмъ сталъ твой братъ, то ты простишь того,
Кому ни Богъ, ни собственное сердце
Ужъ не дадутъ забвенія. Прощай!
Я не дерзну, не долженъ прикасаться

Къ тому, чѣмъ сталъ ты отъ руки моей.
Я, кто съ тобой рожденъ одной утробой,
Одною грудью векормленъ, кто такъ часто
Съ любовью братской къ сердцу прижималъ
Тебя въ дни нашей юности, — я больше
Тебя ужъ не увижу и не смѣю
Исполнить то, что долженъ былъ исполнить
Ты для меня — сложить твой прахъ въ могилу,
Изрытую для смертнаго впервые,
И кѣмъ же? Мной! . . . Земля! Земля! За все,
Что ты мнѣ даровала, я дарую
Тебѣ лишь трупъ! . . . Теперь идемъ въ пустыню.

Ада (припадая къ тѣлу Авеля и цѣлуя его).
Ужасною, безвременною смертью
Погибъ ты, братъ! Изъ всѣхъ, въ слезахъ
скорбящихъ,

Лишь я одна скрываю скорбь. Мой долгъ
Не проливать, но осушать тѣ слезы,
И все жъ никто такъ не скорбитъ, какъ Ада,
Не только о тебѣ, но и о томъ,
Кто твой убійца . . . Каинъ! Я готова
Дѣлить твои скитанія.

Каинъ. Къ востоку
Лежитъ намъ путь. Тамъ мертвый край, онъ
больше

Пристоенъ мнѣ.

Ада. Веди! Ты долженъ быть
Моимъ вождемъ отнынѣ, и да будетъ
Твоимъ — нашъ Богъ. Идемъ, возьмемъ дѣтей.

Кайнъ. А онъ — онъ былъ бездѣтенъ. И навѣки
Изякъ источникъ кроткй, что потомствомъ
Украсить могъ супружеское ложе
И умягчить сердца моихъ потомковъ,
Соединивши чадъ своихъ съ моими.
О, Авель, Авель!

Ада. Миръ ему!

Кайнъ. А *мнѣ?* (Уходятъ)

1903 г

МАНФРЕДЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

There are more things in heaven and
earth, Horatio, than are dreamt of in
your philosophy

Shakespeare

DRAMATIS PERSONAE

Манфредъ	Фея Альпъ
Охотникъ за сернами	Арманъ
Аббатъ Св. Маврикія	Немезида
Мануэль	Парки
Германъ	Духи

Дѣйствіе происходитъ въ Бернскихъ Альпахъ, — частью въ замкѣ Манфреда, частью въ горахъ

АКТЪ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Готическая галлерей. — Полночь

Манфредъ (одинъ). Ночникъ пора долить, хотя
изсякнетъ

Онъ все-таки скорбѣй, дѣмъ я усну;
Ночь не приноситъ мнѣ успокоенья
И не даетъ забыться отъ тяжелыхъ,
Неотразимыхъ думъ: моя душа
Не знаетъ сна, и я глаза смыкаю
Лишь для того, чтобъ внутри души смотрѣть.
Не странно ли, что я еще имѣю
Подобіе и обликъ человѣка,
Что я живу? Но скорбь — наставникъ мудрыхъ;
Скорбь — знаніе, и тотъ, кто имъ богаче,
Тотъ долженъ былъ въ страданіяхъ постигнуть,
Что древо знанія — не древо жизни.
Науки, философію, всѣ тайны
Чудеснаго и всю земную мудрость —
Я все позналъ, и все постигъ мой разумъ:
Что пользы въ томъ? — Я расточалъ добро
И даже самъ встрѣчалъ добро порою;
Я зналъ враговъ и разрушалъ ихъ козни,

И часто врагъ смирялся предо мной:
Что пользы въ томъ? — Могущество и страсти,
Добро и зло — все, что волнуетъ міръ —
Все для меня навѣки стало чуждымъ
Въ *тотъ* адскій мигъ. Мнѣ даже страхъ не-
вѣдомъ,

И осужденъ до гроба я не знать
Ни трепета надеждъ или желаній,
Ни радости, ни счастья, ни любви. —
Но часъ насталь. —

Таинственныя силы!

Властители вселенной безграничной,
Кого искалъ я въ свѣтѣ дня и въ тьмѣ!
Вы въ воздухѣ сокрыты — незримо
Живущіе въ эфирѣ — вы, кому
Доступны горъ заоблачныя выси,
И нѣдра скаль, и бездны океана, —
Во имя чаръ, мнѣ давшихъ власть надъ вами,
Зову и заклинаю васъ: явитесь! (Молчаніе)
Отвѣта нѣтъ. — Такъ именемъ того,
Кто властвуетъ надъ вами, — начертаньемъ,
Которое васъ въ трепетъ повергаетъ, —
Велѣніемъ безсмертнаго! — Явитесь! (Молчаніе)
Отвѣта нѣтъ. — Но, духи тьмы и свѣта,
Вамъ не избѣгнуть чаръ моихъ: той силой,
Что всѣхъ неотразимѣ, — той властью,
Что рождена на огненномъ обломкѣ
Разрушеннаго міра, — на планетѣ,
Погибшей и навѣки осужденной

Блуждать среди предвѣчнаго пространства,
Проклятіемъ, меня гнетущимъ, — мыслью,
Живущею во мнѣ и вокругъ меня, —
Зову и заклинаю васъ: явитесь!

(Въ темномъ концѣ галлерей появляется неподвижная
звѣзда, и слышится голосъ, который поетъ)

Первый духъ. Смертный! На лучѣ звѣзды
Я спустился съ высоты.

Силѣ чаръ твоихъ послушный,
Я покинулъ міръ воздушный,
Мой чертогъ среди ээира,
Нѣжно сотканный дыханьемъ
Тучъ вечернихъ и сіяньемъ
Золотистаго сафира

Въ предзакатной тишинѣ.

Смертный! Чтò велишь ты мнѣ?

Второй духъ. Монбланъ — царь горъ, онъ до
небесъ

Возносится главою

На тронѣ скаль, въ порфирѣ тучъ,

Въ коронѣ снѣговой.

Лѣсами стань его повить.

Громовый гуль лавинъ

Въ могучей длани держитъ онъ

Надъ синей мглой долинъ.

Вѣка вѣковъ громады льдовъ

Вдоль скаль его ползуть,

Но чтобъ низвергнуться во прахъ —

Моихъ велѣній ждуть.

Я грозный повелитель горъ,
Единымъ словомъ я
До нѣдръ ихъ потрясти могу —
Кто ты, чтобъ звать меня?

Третій духъ. Въ тишинѣ заповѣдной,
Въ синей безднѣ морей,
Гдѣ сирена вплетаетъ
Перлы въ зелень кудрей,
Гдѣ во мракѣ таится
Водяная змѣя, —
Гуломъ бури твой голосъ
Долетѣлъ до меня.
Мой чертогъ изъ коралла
Онъ наполнилъ собой —
Что ты хочешь, о, смертный?
Духъ морей предъ тобой!

Четвертый духъ. Гдѣ нѣдра вулкановъ
Кипятъ въ полуснѣ
И лава клокочетъ
Въ гудящемъ огнѣ,
Гдѣ Анды корнями
Ушли въ глубину, —
Вершинами гордо
Стремясь въ вышину, —
Во мракѣ подземномъ
Тебѣ я внималъ,
На зовъ твой покорно
Изъ мрака предсталъ!

Пятый духъ. Я духъ и повелитель бурь,
Я властелинъ вѣтровъ;
Свой путь къ тебѣ я совершалъ
Средь молній и громовъ.
Черезъ океанъ несъ ураганъ
Меня на голосъ твой:
Плылъ въ морѣ флотъ, но въ безднѣ водъ
Онъ будетъ предъ зарей!

Шестой духъ. Духъ Ночи предъ тобой, духъ
темноты —
Зачѣмъ меня терзаешь свѣтомъ ты?

Седьмой духъ. Твоей звѣздой правилъ я
Въ тѣ дни, когда еще земля
Была не создана. То былъ
Миръ дивный, полный юныхъ силъ,
Миръ, затмевавшій красотой,
Теченьемъ царственнымъ своимъ,
Всѣ звѣзды, что блистали съ нимъ
Въ пустынѣ неба голубой.
Но часъ насталъ — и навсегда
Померкла дивная звѣзда!
Огнистой глыбой безъ лучей,
Зловѣщимъ призракомъ ночей,
Безъ цѣли мчится въ даль она,
Весь вѣкъ блуждать осуждена.
И ты, родившійся подъ той
Для неба чуждою звѣздой,
Ты, червь, предъ кѣмъ склоняюсь я,
Въ груди презрѣнье затая,

Ты, властью, данною тебѣ,
Чтобы предать тебя Судьбѣ,
Призвавшій лишь на краткій мигъ
Меня въ толпу рабовъ своихъ,
Скажи, сынъ праха, для чего
Ты звалъ владыку своего?
Семь духовъ. Владыки горь, вѣтровъ, земли и
безднѣ морскихъ,

Духъ воздуха, духъ тьмы и духъ твоей судьбы—
Всѣ притекли къ тебѣ, какъ вѣрные рабы, —
Что повелишь ты имъ? Чего ты ждешь отъ нихъ?

Манфредъ. Забвенія.

Первый духъ. Чего — кого — зачѣмъ?
Манфредъ. Вы знаете. Того, что въ сердцахъ
скрыто.

Прочтите въ немъ—я самъ сказать не въ силахъ.
Духъ. Мы можемъ дать лишь то, что въ нашей
власти:

Проси короны, подданныхъ, господства
Хотя надъ цѣлымъ міромъ, — пожелай
Повелѣвать стихіями, въ которыхъ
Мы безгранично царствуемъ, — все будетъ
Дано тебѣ.

Манфредъ. Забвеня — лишь забвеня.

Вы мнѣ сулите многое: ужели
Не въ силахъ дать лишь одного?

Духъ. Не въ силахъ.

Быть-можетъ смерть . . .

Манфредъ. Но дастъ ли смерть забвенье?

Духъ. Забвеніе невѣдомо безсмертнымъ:
Мы вѣчны — и прошедшее для насъ
Сливается съ грядущимъ въ настоящемъ.
Вотъ нашъ отвѣтъ.

Манфредъ. Вы надо мной глумитесь;
Но властью чаръ, мнѣ давшихъ власть надъ
вами,

Я царь для васъ. — Рабы, не забывайте!
Безсмертный духъ, наслѣдье Прометея,
Огонь, во мнѣ зажженный, такъ же ярокъ,
Могучъ и всеобъемлющъ, какъ и вашъ,
Хотя и облеченъ землею перестью.
Отвѣтствуйте — иль горе вамъ!

Духъ. Мы можемъ
Лишь повторить отвѣтъ; онъ заключенъ
Въ твоихъ словахъ.

Манфредъ. Въ какихъ?

Духъ. Ты говорилъ намъ,
Что равенъ намъ; а смерть для насъ — ничто.

Манфредъ. Такъ я напрасно звалъ васъ! Вы не
въ силахъ

Иль не хотите мнѣ помочь.

Духъ. Проси:
Мы все дадимъ, что только въ нашей власти.
Проси короны, мощи, долголѣтя . . .

Манфредъ. Проклятіе! Къ чему мнѣ долголѣтье?
И безъ того дни долги! — Прочь!

Духъ. Помедли,
Подумай, прежде чѣмъ насъ отпустить.

Быть-можетъ, есть хоть что-нибудь, что цѣнно
Въ твоихъ глазахъ?

Манфредъ. О, нѣтъ! Но предъ разлукой

Мнѣ хочется увидѣть васъ. Я слышу

Печальные и сладостные звуки.

Я вижу яркую недвижную звѣзду.

Но дальше — мракъ. Предстаньте предо мною,

Одинъ или всѣ, въ своемъ обычномъ видѣ.

Духъ. Мы не имѣемъ образовъ — мы души

Своихъ стихій. Но выбери лобую

Изъ формъ земныхъ — и примемъ мы ее.

Манфредъ. Нѣтъ ничего на всей землѣ, что бѣ
было

Отрадно мнѣ или ненавистно. Пусть

Сильнѣйшій между вами приметъ образъ,

Какой ему пристойнѣе.

Седьмой духъ (появляясь въ образѣ прекрасной
женщины). Смотри!

Манфредъ. О, Боже! Если ты не навожденъе

И не мечта безумная, я могъ бы

Опять извѣдать счастье. О, приди,

Приди ко мнѣ, и снова... (Призракъ исчезаетъ)

Я раздавленъ!

(Падаетъ безъ чувствъ)

Голосъ (произносящій заклинаніе).

Въ часъ, когда молчитъ волна,

Надъ волной горитъ луна,

Подъ кустами — свѣтляки,

Надъ могилой огоньки;

Въ часъ, когда сова рыдаетъ,

Метеоръ скользя блистаетъ

Въ глубинѣ ночныхъ небесъ,

И недвижимъ темный лѣсъ —

Властью, силой роковой

Овлаждѣю я тобой.

Пусть глубоко твоя будетъ сонъ —

Не коснется духа онъ.

Есть зловѣщія видѣнья,

Отъ которыхъ нѣтъ спасенья:

Тайной силою плѣненъ,

Въ кругъ волшебный заключенъ,

Ты нигдѣ ихъ не забудешь,

Никогда одинъ не будешь —

Ты замрешь навѣки въ нихъ, —

Въ темныхъ силахъ чаръ моихъ.

И проклятыя вѣщій гласъ

Ужъ изрекъ въ полночный часъ

Надъ тобой свой приговоръ:

Въ вѣтрѣ будешь ты съ тѣхъ поръ

Слышать только скорбный стонъ;

Ночью, скорбью удрученъ,

Будешь солнца жаждать ты;

Но едва изъ темноты

Выйдетъ солнце надъ тобой —

Будешь ночи ждать съ тоской.

Я въ слезахъ твоихъ нашла

Ядъ холодной лжи и зла,

Въ сердцѣ, полною мукъ притворныхъ,

Кровь, чернѣ ядовъ черныхъ.
Сорвала я съ усть твоихъ
Талисманъ тлетворный ихъ —
Твой коварно-тихий смѣхъ,
Какъ змѣя, плѣнявшій всѣхъ.
Всѣ отравы знаю я —
И сильнѣ всѣхъ — твоя.
Лицемѣриемъ твоимъ,
Сердцемъ жесткимъ и сухимъ,
Лживой нѣжностью очей,
Злобой, скрытою подъ ней,
Равнодушнымъ безучастьемъ
Къ братскимъ горестямъ, несчастьямъ,
И умѣниемъ свой ядъ,
Свой змѣино-жадный взглядъ
Глубоко сокрыть въ себя —
Проклинаю я тебя!
Изливаю надъ тобой
Уготованный судьбой,
Роковой фіалъ твоихъ
Мукъ и горестей земныхъ:
Ни забвенья, ни могилы
Не найдеть твой духъ унылый;
Заклинаемъ очарованъ
И безвучной цѣпью скованъ,
Безъ конца томись, страдай
И въ страданьяхъ — увядай!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Гора Юнгфрау. — Утро. — Манфредъ, одинъ на утесахъ
Манфредъ. Сокрылись души, вызванные мной,
Не принесли мнѣ облегченья чары,
Не помогла наука волшебства.
Я ужь не вѣрю въ силы неземныя,
Онѣ надъ прошлымъ власти не имѣютъ,
А что мнѣ до грядущаго, покуда
Былое тьмой покрыто? — Мать Земля!
Ты, юная денница, вы, о, горы,
Зачѣмъ вы такъ прекрасны? — Не могу
Я васъ любить. — И ты, вселенной око,
На цѣлый мѣръ отверстое съ любовью,
Ты не дашь отрады только мнѣ!
Вы, груди скалъ, гдѣ я стою надъ бездною
И въ безднѣ надъ потокомъ различаю
Верхи столѣтнихъ сосенъ, превращенныхъ
Зіяющей стремниною въ кустарникъ, —
Скажите мнѣ, зачѣмъ надъ ней я медлю,
Когда одно движенье, лишній шагъ
Навѣки успокоили бы сердце
Въ скалистомъ ложѣ горнаго потока?
Оно зоветъ — но я не вмешаю зову,
Оно страшитъ — но я не отступаю,
Мутить мой умъ — и все же я стою:
Есть чья-то власть, что жизнь намъ сохраняетъ,
Что заставляетъ жить насъ, если только
Жить значить пресмыкаться на землѣ
И быть могилой собственного духа,

Утративъ даже горькую отраду —
Оправдывать себя въ своихъ глазахъ!

(Пролетаетъ орель)

Могучій царь пернатыхъ, сынъ ээира,
Превыше тучъ парящій въ поднебесьѣ,
О, если бы мнѣ быть твоей добычей
И пищей для орлятъ твоихъ! Въ лазури
Чернѣешь ты, и я тебя чуть вижу,
Межъ тѣмъ какъ ты и внизъ, и вверхъ, и въ
ширь

Пронзаешь взоромъ воздухъ! — Какъ прекра-
сенъ,

Какъ царственно-прекрасенъ міръ земной,
Какъ величавъ во вѣхъ своихъ явленьяхъ!
Лишь мы, что назвались его царями,
Лишь мы, смѣшенъ праха съ божествомъ,
Равно и праху чуждые и небу,
Мрачимъ своею двойственной природой
Его чело спокойное, волнуясь
То жаждою возвыситься до неба,
То жалкою привязанностью къ праху,
Пока не одолѣетъ прахъ, и мы
Не станемъ тѣмъ, чего назвать не смѣемъ,
Что намъ внушаетъ ужасъ. — Чу, свирѣль!
(Вдали слышна свирѣль пастуха)

Патріархально-сладостные звуки
Далеко раздаются по ущельямъ,
Сливаясь съ колокольчиками стадъ,
И жадно я внимаю имъ. — О, если бѣ

Я былъ незримымъ духомъ этихъ звуковъ,
Гармоніей свободной и живой,
Блаженствомъ безтѣлеснымъ, что родится,
Живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ ними!
(Снизу поднимается охотникъ за сернами)
Охотникъ. Да, серна здѣсь промчалась! Но куда?
Какъ на-смѣхъ промелькнула и пропала!
Боюсь, что не окупится сегодня
Мой тяжкій трудъ. — Но кто это вдали?
Онъ съ виду не охотникъ, а поднялся
На высоту, которой достигаютъ
Лишь лучшіе охотники. На немъ
Богатый плащъ, онъ мужественно-строенъ
И гордъ, какъ сынъ свободного народа.
Пойду къ нему.

Манфредъ (не замѣчая охотника). До срока посѣдѣть
Отъ скорбныхъ думъ, подобно этимъ жалкимъ
Обломкамъ сосенъ, бурей искривленнымъ,
Погубленнымъ одною зимней выюгой, —
И быть такимъ, съ тоскою вспоминая
Иные дни, и на челѣ носить
Морщины, что оставили не годы,
А лишь мгновенья, — тяжкія мгновенья,
Ужасныя, какъ вѣчность! Вы, лавины!
Вы, глыбы льдовъ! Обруштесь на меня
И поглотите жизнь мою! Я слышу
Вашъ непрестанный грохотъ, но, свергаясь,
Вы губите лишь то, что жаждетъ жизни:
Цвѣтущій лѣсъ иль мирныя селенья.

Охотникъ. Съ долины поднимаются туманы.

Скажу ему, что намъ пора спускаться,

Не то онъ здѣсь останется навѣки.

Манфредъ. Вокругъ ледниковъ дымится мгла и пахнетъ

Горящей сѣрой; бѣлыми клубами

Къ моимъ ногамъ вползаютъ облака,

Какъ пѣна изъ пучины преисподней,

Съ тѣхъ жадныхъ волнъ, что роютъ берегъ жизни,

Обремененный грѣшными, какъ щебнемъ. —

Я задыхаюсь.

Охотникъ. Онъ едва стоитъ:

Миѣ нужно подойти къ нему тихонько, —

Иначе онъ сорвется.

Манфредъ. Съ тяжкимъ гуломъ

Обрушивались горы, прорывая

Ткань облаковъ и сотрясая Альпы,

Загромождали горами обломковъ

Зеленя цвѣтуція долины,

Запруживали рѣки, низвергаясь,

И въ пыль и мглу ихъ воды раздробляли.

Такъ нѣкогда палъ Розенбергъ. — Зачѣмъ

Я не стоялъ тогда въ его долинахъ?

Охотникъ. Пріятель, осторожнѣй! Лишній шагъ —

И ты простишься съ жизнью. Ради Бога,

Отдвинься отъ обрыва!

Манфредъ (не слыша охотника). Какъ спокойно

Уснулъ бы я! Мой прахъ не сталъ бы жалкой

Игрушкой вѣтра, не былъ бы развѣянъ

По скаламъ и утесамъ. А теперь —

Простите, небеса! О, не глядите

Вы на меня съ такою укоризной —

Не для меня вы созданы. — Земля!

Прими меня!

(Дѣлаетъ движеніе броситься со скалы, но охотникъ внезапно схватываетъ и удерживаетъ его)

Охотникъ. Остановись, безумецъ!

Не оскверняй долину преступной кровью —

Иди за мной — я не пушу тебя!

Манфредъ. Какъ тяжело мнѣ! — Нѣтъ, не держи такъ крѣпко —

Я изнемогъ — кружась, мелькаютъ горы —

Въ глазахъ туманъ. Зачѣмъ ты здѣсь и кто ты?

Охотникъ. Скажу, скажу. — Теперь идемъ — все тонетъ

Въ туманѣ — опирайся на меня —

Стань вотъ сюда — сюда — и придержи

За этотъ кустъ — дай руку и покрѣпче

Возьми меня за поясъ — легче! — такъ.

Теперь смѣлѣй — недалеко до дома —

Мы выберемся скоро на тропинку,

Прорытую ручьями. — Прыгай — славно!

Да ты любому горцу не уступишь!

(Медленно спускаются по скаламъ)

АКТЪ ВТОРОЙ
СЦЕНА ПЕРВАЯ

Хижина въ Бернскихъ Альпахъ

Манфредъ и охотникъ

Охотникъ. Нѣтъ, подожди — тебѣ еще опасно
Пускаться въ путь: ты слишкомъ изнемогъ,
Ты слабъ еще и тѣломъ и душою.
Вотъ отдохнешь — тогда мы и пойдемъ.
Гдѣ ты живешь?

Манфредъ. Дорога мнѣ извѣстна.
Я въ провожатомъ больше не нуждаюсь.

Охотникъ. По виду твоему я замѣчаю,
Что ты изъ тѣхъ, чьи замки такъ угрюмо
Глядятъ со скалъ на хижины въ долинахъ.
Который твой? Я знаю въ нихъ лишь входы,
Мнѣ изрѣдка доводится погрѣться
У очаговъ ихъ старыхъ темныхъ заль,
За чашей, межъ вассаловъ, но тропинки,
Что съ горъ ведутъ къ воротамъ этихъ замковъ,
Извѣстны мнѣ съ младенчества. Гдѣ твой?

Манфредъ. Не все ль равно?

Охотникъ. Ну, хорошо, не хмурься,
Прости за спросъ. Отвѣдаемъ вина.

Старинное! Не разъ отогрѣвало
Оно меня средъ нашихъ ледниковъ —
Теперь пускай тебя согрѣетъ. — Выпьемъ!
Манфредъ. Прочь отъ меня! — На кубкѣ крови!
— О, Боже,

Ужели *никогда* она не сгинетъ?
Охотникъ. Какая кровь? Ты бредишь?
Манфредъ. Наша кровь!

Та, что текла въ сердцахъ отцовъ и въ нашихъ,
Когда мы были юны и любили
Такъ горячо, какъ было грѣхъ любить,
Та, что встаетъ изъ праха, обаяя
Мракъ, заступившій небо предо мною,
Гдѣ нѣтъ тебя, а мнѣ не быть — вѣдьки.

Охотникъ. Ты странный и несчастный человекъ:
Но каковы бы ни были страданья,
Каковы бы ни былъ грѣхъ твой, есть спасенье:
Терпѣнїе, смиренье и молитва.

Манфредъ. Терпѣнїе! — Нѣтъ не для хищныхъ
птицъ

Придуманно терпѣнїе: для муловъ!
Прибереги его себѣ подобнымъ, —
Я изъ другой породы.

Охотникъ. Боже мой!
Да я бъ не взялъ безсмертной славы Телля,
Чтобъ быть тобой. Но повторяю: въ гнѣвѣ
Спасенья нѣтъ; неси свой крестъ покорно.

Манфредъ. Я и несу. Вѣдь я живу — ты видишь.
Охотникъ. Такая жизнь — болѣзненный корчи.

Манфредъ. Я говорю — я прожилъ много лѣтъ
И долгихъ лѣтъ, но что все это значитъ
Предъ тѣмъ, что суждено мнѣ: я столѣтъ,
И вѣчность долженъ жить въ неугасимой
И тщетной жаждѣ смерти!

Охотникъ. Какъ! Но ты
Совсѣмъ не старъ: ты среднихъ лѣтъ, не больше.

Манфредъ. Ты думаешь, что наша жизнь зависить
Отъ времени? Скорѣй — отъ насъ самихъ.
Жизнь для меня — безмѣрная пуетыня,
Безплодное и дикое побережье,
Гдѣ только волны стонуть, оставляя
Въ нагихъ пескахъ обломки мачтъ да трупы,
Да водоросли горькія, да камни!

Охотникъ. Увы, онъ сумасшедшій! Безъ призора
Его нельзя оставить.

Манфредъ. О, повѣрь, —
Я былъ бы радъ безумію; тогда бы
Все, что я вижу, было бы лишь бредомъ.

Охотникъ. Что жъ видишь ты, иль думаешь, что
видишь?

Манфредъ. Тебя, сынъ горь, и самого себя,
Твой мирный бытъ и кровь гостепріимный,
Твой духъ, свободный, набожный и стойкій,
Исполненный достоинства и гордый,
Затѣмъ что онъ и чистъ и непорочень,
Твой трудъ, облагороженный отвагой,
Твое здоровье, бодрость и надежды
На старость безмятежную, на отдыхъ

И тихую могилу подъ крестомъ,
Въ вѣнкѣхъ изъ розъ. — Вотъ твой удѣлъ. А мой —
Но что о немъ — во мнѣ ужъ все убито!

Охотникъ. И ты бѣ со мною долей помѣнялся?

Манфредъ. Нѣтъ, другъ, я не желаю зла тебѣ,
Я участію ни съ кѣмъ не помѣняюсь:

Я удрученъ, но все же выношу
То, что другому было бѣ не подъ силу

Перенести не только наяву,

Но даже въ сновидѣнны.

Охотникъ. И съ такую
Душой, высокой, нѣжной, быть злодѣемъ,
Кровавой местью тѣшиться? — Не вѣрю!

Манфредъ. О, нѣтъ — нѣтъ — нѣтъ! Я только
тѣхъ губилъ,

Кѣмъ былъ любимъ, кого любилъ всѣмъ серд-
цемъ,

Враговъ я поражалъ, лишь защищаясь,
Но гибельны мои обѣтыя были.

Охотникъ. Пусть небо ниспошлетъ тебѣ покой
И покаянныя сладостныя слезы!

Я буду поминать тебя въ молитвахъ.

Манфредъ. Я не нуждаюсь въ нихъ; но состра-
данья

Отвергнуть не могу. — Я ухожу —

Пора — прости! Вотъ золото — ты долженъ

Его принять. — Не провожай меня —

Путь мнѣ знакомъ, опасность миновала —

Еще разъ говорю — не провожай!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Нижняя долина въ Альпахъ. — Водопадъ

Манфредъ. Еще не полдень: радуга сіяетъ
Въ потокѣ всеми красками небесъ,
И серебромъ блистаетъ столпъ потока,
Свергаясь съ высоты и развѣваясь
Вдоль скалъ струями гнѣны свѣтозарной,
Какъ хвостъ коня-гиганта, на которомъ
Въ видѣнны Іоанна мчится Смерть.
Одинъ я упиваюсь этой дивной
Игрою водъ, и сладость созерцанья
Я раздѣлю въ тиши уединенья
Лишь съ феей горъ. — Я вызову ее.

(Зачерпываетъ на ладонь воды и бросаетъ ее въ воздухъ
вполголоса произнося заклинанія. Подъ радугой водопада
появляется Фея Альпъ)

Прелестный духъ, чьи кудри лучезарны,
Чьи очи ослѣпительны, какъ солнце,
На чьихъ ланитахъ краски такъ же нѣжны,
Какъ цвѣтъ ланитъ уснувшаго младенца,
Какъ алый отблескъ лѣтняго заката
На горныхъ льдахъ, — какъ дѣвственный румя-
нецъ

Земли, въ объятя неба заключенной!
Прелестный духъ, затмившій красотою
Блескъ радуги, горящей надъ потокомъ,
Дочь Воздуха! Я на твоємъ челѣ
Въ твоємъ спокойномъ и безгрѣшномъ взорѣ,
Гдѣ свѣтитъ миръ твоей души безсмертной,

Съ отрадою прочелъ, что Сынъ Земли,
Которому таинственныя силы
Доволили вступать въ бесѣды съ ними,
Прощень тобой за то, что онъ дерзнулъ
Воззвать къ тебѣ и на одно мгновенье
Узрѣть твой ликъ.

Фея. Я знаю, Сынъ Земли,
Тебя и тѣхъ, къмъ награжденъ ты властью.
Ты человекъ, свершившій въ жизни много
Добра и зла, не вѣдая въ нихъ мѣры,
И рокомъ на страданья обреченный.
Я этого ждала — чего ты хочешь?

Манфредъ. Взирать на красоту твою — и только.
Лицо земли мой разумъ помрачило,
Я въ мѣрѣ тайнъ убѣжища искалъ,
Въ жилищѣ тѣхъ, кто ею управляетъ,
Но помощи не встрѣтилъ. Я пытался
Найти въ нихъ то, чего они не могутъ
Мнѣ даровать, — теперь ужъ не пытаюсь.

Фея. Но чтѣ же то, предъ чѣмъ безсильны даже
Властители незримаго?

Манфредъ. Ты знаешь,
Нѣтъ цѣли повторять.

Фея. Мнѣ непонятны
Твои слова, — я мукъ твоихъ не знаю.
Открой мнѣ ихъ.

Манфредъ. Мнѣ это будетъ пыткой,
Но все равно, — душа таить устала
Свою тоску. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ

Къ таинственнымъ познаніямъ и жажда
Обнять умомъ вселенную, весь міръ;
Но ей не чуждо было и другое:
Участье къ людямъ, слезы и улыбки, —
Которыхъ я не вѣдаю, — смиренность, —
Моей душѣ не сродное, — и нѣжность,
Что только къ ней имѣлъ я; недостатки
Ея природы были и моими,
Достоинства лишь ей принадлежали.
Я полюбилъ и погубилъ ее!

Фея. Своей рукой?

Манфредъ. Нѣтъ, не рукою — сердцемъ,
Которое ея разбило сердце:
Оно въ мое взглянуло и увяло;
Я прдлилъ кровь, кровь не ея, и все же
Была пролита кровь ея.

Фея. И ради
Одной изъ тѣхъ, кого ты презираешь,
Надъ кѣмъ ты могъ возвыситься, дерзая
Быть равнымъ намъ, ты пренебрегъ дарами
Властителей незримаго и снова
Унизился до жалкихъ смертныхъ! Прочь!
Манфредъ. Дочь Воздуха! Я говорю: я вынесъ —
Но что слова? Взгляни, какъ я измученъ!
Я больше одиночества не знаю,
Я окруженъ толпою фурій; ночью
Я скрежещу зубами, проклиная
Ночную тьму, днемъ — проклиная день.
Безумія, какъ милости, молилъ я,

Но небеса мольбамъ не внемлютъ; къ смерти
Стремился я, но средь борьбы стихій
Передо мною волны отступаютъ
И прочь бѣгутъ; какой-то злобный демонъ
На волоскѣ меня надъ бездною держитъ —
И волосокъ не рвется: въ мірѣ грезъ,
Въ фантази, — я былъ когда-то ею
Богатъ, какъ Крезъ, — пытался я сокрыться,
Но, какъ волну въ отливъ, меня уноситъ
Изъ міра грезъ въ пучину темной мысли;
Съ людскою толпою сливался я — забвенья
Искалъ вездѣ, но отъ меня сокрыты
Пути къ нему: все знанія, все чары,
Что добылъ я столь тяжкими трудами,
Безильны здѣсь, и, въ безысходной скорби,
Я долженъ жить — жить безъ конца.

Фея. Быть-можетъ,
Я помогу тебѣ.

Манфредъ. О, помоги!
Заставь ее возстать на мигъ изъ гроба,
Иль мнѣ открой могилу! Я съ отрадой
Перенесу какую хочешь муку,
Но только пусть она послѣдней будетъ.

Фея. Надъ мертвыми безильна я; но если
Ты поклянешься мнѣ въ повиновеньи —

Манфредъ. Не поклянусь. — Повиноваться? Ду-
хамъ,
Которые подвластны мнѣ? Служить
Своимъ рабамъ? О, никогда!

Фея. Ужели
Иного нѣтъ отвѣта? — Но подумай,
Не торопись.
Манфредъ. Я все сказалъ.
Фея. Довольно!
Могу ль я удалиться?
Манфредъ. Удались. (Фея исчезаетъ)
Мы всё — игрушки времени и страха.
Жизнь — краткій мигъ, и все же мы живемъ,
Клянemъ судьбу, но умереть боимся.
Жизнь насъ гнететъ, какъ игло, какъ ярмо,
Какъ бремя ненавистное, и сердце
Подъ тяжестью его изнемогаетъ;
Въ прошедшемъ и грядущемъ (настоящимъ
Мы не живемъ) безмѣрно мало дней,
Когда оно не жаждетъ втайнѣ смерти,
И все же смерть ему внушаетъ трепеть,
Какъ ледяной потокъ. Еще одно
Осталось мнѣ — воззвать изъ гроба мертвыхъ,
Спросить у нихъ: что насъ страшитъ? Отвѣтитъ
Они должны: волшебницѣ Эндора
Отвѣтилъ духъ пророка; Клеоника
Отвѣтила спартанскому царю,
Что ждетъ его — въ невѣдѣнны убилъ онъ
Ту, что любилъ, и умеръ непрощеннымъ,
Хотя взывалъ къ Зевесу и молилъ
Тѣнь гнѣвную о милости: былъ темень
Ея отвѣтъ, но все же онъ сбылся.
Когда бъ я нѣ жилъ, та, кого люблю я,

Была бъ жива; когда бъ я не любилъ,
Она была бы счастлива и счастье
Другимъ дарила. Гдѣ она теперь?
И что она? Страдалица за грѣхъ мой —
То, что внушаетъ ужасъ — иль ничто?
Ночь близится — и ночь мнѣ все откроетъ,
Хоть я страшусь того, на что дерзаю;
До сей поры безъ трепета взиралъ я
На демоновъ и духовъ — отчего же
Дрожу теперь и чувствую, какъ въ сердце
Какой-то странный холодъ проникаетъ?
Но нѣтъ того, предъ чѣмъ я отступилъ бы,
И я сломлю свой ужасъ. — Ночь идетъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Вершина горы Юнгфрау

Первая парка. Луна встаетъ большимъ багря-
нымъ шаромъ.

На высотѣ, гдѣ ни единый смертный
Не запятналъ снѣговъ своей стопой,
Слетаемся мы ночью. Въ дикомъ морѣ,
Въ хрустальномъ океанѣ горныхъ льдовъ,
Мы безъ слѣда скользимъ по ихъ изломамъ,
По глыбамъ, взгроможденнымъ другъ на друга,
Подобно бурнымъ пѣнистымъ волнамъ,
Застывшимъ посреди водоворота,
И вотъ на этой сказочной вершинѣ,
Гдѣ отдыхаютъ тучи мимоходомъ,

Сбираемся на грища и бдѣнья.
Сегодня въ полночь — нашъ великій праздникъ,
И, на пути къ чертогамъ Аримана,
Я жду сестерь. — Но что онѣ такъ медлятъ?
Голосъ (поющій вдалекѣ).

Злодѣй вѣнценосный,
Низвергнутый въ прахъ,
Томился въ изгнаньи,
Въ забвеньи, въ цѣпяхъ.
Я цѣпи разбила,
Расторгла тюрьму, —
Я власть и свободу
Вернула ему:

Потоками крови онъ землю зальетъ,
Народъ свой погубить — и снова падеть!
Второй голосъ. Плылъ въ морѣ корабль, точно
птица летѣлъ:

Въ эту ночь ему горестный выпалъ удѣлъ.
Ни мачтъ, ни снастей, ни вѣтриль, ни руля —
Ничего отъ него не оставила я.
Одинъ лишь пловецъ, — онъ достоинъ того, —
До побережья достигъ, — я щадила его:
Предатель, пиратъ, снова будетъ онъ жить,
Чтобы мнѣ своей темною жизнью служить.

Первая парка (отвѣчая).
Спокойно спалъ городъ, —
Въ слезахъ и тревогѣ
Увидитъ онъ утро:
Медленно, мрачно

Чума распростерла
Надъ городомъ крылья.
Тысячи пали,
И тысячи тысячъ
Падутъ предъ всеильной.
Живые погибшихъ, —
Любимыхъ и милыхъ, —
Покинуть, спасаясь
Отъ призрака смерти.
Ужась и злоба,
Скорбь и смятенье
Охватятъ людей.
Блаженны почившіе,
Взоръ отвратившіе
Отъ кары моей! (Входятъ вторая и
третья парки)

Всѣ три. Въ рукахъ у насъ — сердца людей,
Нашъ слѣдъ — ихъ темныя могилы.
Лишь для того, чтобъ отнимать,
Даемъ мы смертнымъ жизнь и силы.
Первая парка. Привѣтъ! — Гдѣ Немезида?
Вторая парка. На работѣ,
Но на какой — не знаю: я сама
Не покладала рукъ до сей минуты.
Третья парка. Да вотъ она. (Входитъ Немезида)
Первая парка. Всѣ нынче опоздали.
Гдѣ ты была?
Третья парка. Женила дураковъ,
Возстановляла падшіе престолы

И укрѣпляла близкіе къ паденью;
Внушала людямъ злобу, чтобъ потомъ
Раскаяньемъ ихъ мучить; превращала
Въ безумцевъ мудрыхъ, глупыхъ — въ му-
дрецовъ,

Въ оракуловъ, чтобъ люди преклонялись
Предъ властью ихъ и чтобъ никто изъ смерт-
ныхъ

Не смѣлъ рѣшать судьбу своихъ владыкъ
И толковать спесиво о свободѣ,
Плодѣ, для всѣхъ запретномъ. — Но пора!
На облака — и въ путь! Мы опоздали.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Чертогъ Аримана. — Ариманъ на тронѣ — огненномъ шарѣ,
окруженномъ духами

Гимнъ духовъ. Хвала ему, — хвала царю ээира,
Царю земли и всѣхъ земныхъ стихій,
Кто повергаетъ цѣлый міръ въ смятенье
Единымъ мановеніемъ руки!
Дохнетъ ли онъ — бушуютъ океаны,
Заговорить — грохочетъ въ небѣ громъ,
Уронить взоръ — на небѣ солнце меркнетъ,
Возстанетъ — сотрясается земля.
Въ пути ему предшествуютъ кометы,
Вослѣдъ ему — вулканы мечутъ огонь,
И гнѣвъ его сжигаетъ звѣзды въ пепель.
И тѣнь его — всеильная Чума.

Война ему, что день, приносить жертвы,
Смерть платить дань, и Жизнь, его раба,
Къ его стопамъ смиренно полагаетъ
Весь ужасъ мукъ и горестей земныхъ!

(Входятъ парки и Немезида)

ПЕРВАЯ ПАРКА. Возславьте Аримана! На землѣ
Растетъ его могущество — покорно
Исполнили мы волю Аримана!

ВТОРАЯ ПАРКА. Возславьте Аримана! Мы, предъ
кѣмъ

Склоняетъ вью смертный, преклоняемъ
Свое чело предъ трономъ Аримана!

ТРЕТЬЯ ПАРКА. Возславьте Аримана! Прекло-
няясь,

Мы ждемъ его велѣній.

Немезида. Царь царей!

Все, что живетъ, что существуетъ — наше,
А мы — твой. Но, чтобы наша власть
Могла расти, твою усугубляя,
Нашъ долгъ быть неустанными въ трудахъ,
И мы свой долгъ исполнили: мы свято
Свершили все, что повелѣлъ ты намъ.

(Входитъ Манфредъ)

Духъ. Что вижу я? Безумецъ, жалкій смертный!
Пади во прахъ.

Второй духъ. Я узнаю его.

Онъ грозный и могучій чернокожничекъ.

Третій духъ. Повергнись ницъ и трепещи, пре-
зрѣнный!

Передь тобой — и твой и нашъ владыка.
Ужели ты не видишь?

Сонмъ духовъ.   Сынъ земли!
Простришь во прахъ предъ трономъ Аримана,
Иль горе непокорному!

Манфредъ.   Я знаю,
И все жь не гну колѣнъ.

Четвертый духъ.   Тебя научать.

Манфредъ. Напрасный трудъ. Не разъ во мракѣ
ночи

Во прахъ я повергалъ свое чело,
Главу посыпавъ пепломъ. Не однажды
Извѣдалъ я всю горечь униженья,
Предъ собственнымъ отчаяньемъ склоняясь,
Предъ собственной скорбью.

Первый духъ.   Ты дерзаешь
Возстать на Аримана? Отказать
Владыкѣ въ томъ, что воздастъ покорно
Ему весь міръ? Не трепетать — и гдѣ же?
Предъ ужасомъ величія и славы,
Предъ трономъ Аримана? ницъ, безумный!

Манфредъ. Пусть *Ариманъ* воздастъ хвалу
Творцу,

Кѣмъ созданъ онъ не ради поклоненья.
Пусть онъ склонитъ главу: мы вмѣстѣ
Склонимъ тогда.

Духи.   Раздавимъ червяка!
Растопчемъ!

Первая парка. Прочь! — Владыка силъ незри-
мыхъ,

Передь тобою смертный, не похожий
Ни на кого изъ смертныхъ, какъ объ этомъ
Свидѣтельствуешь видъ его и то,
Что онъ передь тобой. Его страданья
Безсмертны, какъ и наши; знанья, воля
И власть его, поскольку совмѣстимо
Все это съ браннымъ прахомъ, таковы,
Что прахъ ему дивится; онъ стремился
Душою прочь отъ міра и постигнулъ
То, что лишь мы, безсмертные, постигли:
Что въ знаніи нѣтъ счастья, что наука —
Обмѣнъ однихъ незнаній на другія.
Но я еще не все сказала: страсти,
Всесильныя и на землѣ и въ небѣ
Надъ всѣмъ, что только существуетъ въ мірѣ,
Такъ истерзали грудь его, что я,
Не знающая жалости, прощаю
Того, въ чьемъ сердцѣ жалость онъ пробудитъ.
Онъ мой — иль твой — но ни одинъ изъ духовъ
Не равенъ съ нимъ и имъ владѣть не будетъ.

Немезида. Зачѣмъ онъ здѣсь?

Первый духъ.   Пусть смертный самъ от-
вѣтитъ.

Манфредъ. Вы знаете, что властенъ я, — безъ
власти

Я бъ не былъ здѣсь, — но мнѣ не все покорно.
Я помощи прошу у васъ.

Немезида. Скажи,
Что хочешь ты?
Манфредъ. Заставь возстать усопшихъ.
Немезида. Великій Ариманъ! Что повелишь мнѣ?
Дозволишь ли?
Ариманъ. Да будетъ такъ.
Немезида. Кто долженъ
На мой призывъ покинуть прахъ могилы?
Манфредъ. Въ землѣ непогребенная — Астарта.
Немезида. Духъ, или Призракъ!
Ты, что была
Создана прахомъ
И въ прахъ отошла;
Ты, что утратила
Обликъ земной,—
Въ обликъ смертномъ
Возстань предо мной!
Сердце и очи,
Голосъ и ликъ
Вырви изъ жадной
Могила на мигъ!
Возстань! Возстань отъ сѣни гробовой!
Тебя зоветь убійца твой!
(Призракъ Астарты появляется среди чертога)
Манфредъ. И это смерть? Румянецъ на ланитахъ!
Но не живой онъ, — странный и зловѣщій,
Какъ тотъ, что рдѣетъ осенью на листьяхъ.
Астарта! — Нѣтъ, я говорить не въ силахъ,

Вели заговорить ей: пусть она
Проститъ или проклянетъ меня.
Немезида. Духъ, отвѣтствуй! Заклинаю
Властью неземной,
Тайной силой, что расторгла
Плѣнь могильный твой!
Манфредъ. Молчанье!
Оно страшнѣй отвѣта.
Немезида. Я свершила
Все, что могла. Великій Ариманъ,
Тебѣ лишь покорится призракъ: повели ей
Открыть уста.
Ариманъ. Духъ, говори!
Немезида. Молчанье!
Безильны мы, — надъ нею власть имѣютъ
Другіе духи. Смертный, покорись
Своей судьбѣ.
Манфредъ. Услышь меня, Астарта!
Услышь меня, любимая! Отвѣтъ мнѣ!
Я такъ скорбѣлъ, я такъ скорблю — ты видишь:
Тебя могила меньше измѣнила,
Чѣмъ скорбь меня. Безумною любовью
Любили мы: намъ жизнь была дана
Не для того, чтобъ мы терзались вѣчно,
Хотя любить, какъ мы съ тобой любили, —
Великій грѣхъ. Скажи, что ты меня
Простила за страданья, что терплю я
Мученье за обоихъ, что за гробомъ
Тебя ждетъ рай, и что умру и я.

Всѣ силы тьмы противъ меня возстали,
Чтобъ къ жизни приковать меня навѣки,
Чтобъ я передъ безмертьемъ содрогался,
Предъ будущимъ, что можетъ быть подобно
Прошедшему. Мнѣ нѣтъ нигдѣ покоя.
Чего ищу, къ чему стремлюсь — не знаю,
Лишь чувствую, что ты и что я самъ.
Предъ гибелью хоть разъ мнѣ дай услышать
Твой голосъ сладкозвучный: отзовись!
Я звалъ тебя среди безмолвья ночи,
Я спящихъ птицъ будилъ среди вѣтвей,
Звѣрей въ горахъ, и темныя пещеры
На тщетный зовъ, на сладкій звукъ: Астарта!
Мнѣ отвѣчали эхомъ, — духи, люди
Внимали мнѣ — лишь ты одна не внемлешь!
О, говори! Я жадными очами
Искалъ тебя среди небесныхъ звѣздъ
О, говори! Я исходилъ всю землю
И не нашелъ нигдѣ тебѣ подобной.
Взгляни вокругъ — мнѣ бѣсы сострадають,
Я вижу адъ, но полонъ лишь тобою.
О, говори! . . . О, говори хоть въ гнѣвѣ,
Но только дай хоть разъ тебя услышать,
Хоть только разъ!

Призракъ Астарты. Манфредъ!

Манфредъ. О, не смолкай!

Вся жизнь моя теперь лишь въ этихъ звукахъ!

Призракъ. Манфредъ! Заутраты покинешь землю.

Прости!

Манфредъ. О, нѣтъ! Скажи, что ты простила.

Призракъ. Прости!

Манфредъ. Скажи — увидимся ли снова?

Призракъ. Прости!

Манфредъ. О, пощади: скажи, что любишь!

Призракъ. Манфредъ! (Исчезаетъ)

Немезида. Ушла — и вновь ея не вызвать.

Вернись къ землѣ. Слова ея свершатся.

Духъ. Онъ потрясенъ. Кто смертенъ, тотъ не
долженъ

Искать того, что за предѣломъ смерти.

Второй духъ. Да, но взгляни, какъ онъ собой
владѣеть,

Свои мученья волѣ подчиняя!

Когда бъ онъ былъ однимъ изъ насъ, онъ былъ бы
Могучій духъ.

Немезида. Быть-можетъ, ты желаешь

Спросить еще о чемъ-нибудь?

Манфредъ. О, нѣтъ.

Немезида. Тогда прости на время.

Манфредъ. Развѣ снова

Мы встрѣтимся? И гдѣ же? На землѣ?

Но все равно. Я твой должникъ. Простите!

АКТЪ ТРЕТІИ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зала въ замкѣ Манфреда.

МАНФРЕДЪ и ГЕРМАНЪ

МАНФРЕДЪ. Который часъ?

ГЕРМАНЪ. Часъ до заката солнца,

И вечеръ общааетъ быть прелестнымъ.

МАНФРЕДЪ. Скажи, ты все ли приготовилъ въ
башнѣ,

Какъ я велѣлъ?

ГЕРМАНЪ. Все, господинъ, готово.

Вотъ ключъ и вотъ шкатулка.

МАНФРЕДЪ. Хорошо.

Теперь иди. (Германъ уходитъ)

МАНФРЕДЪ. Миръ снизошелъ мнѣ въ душу.

Миръ, мнѣ еще невѣдомый донныѣ

И непонятный. Если бъ я не зналъ,

Что самое обманчивое въ мирѣ —

Химеры философскихъ измышлений,

Что мудрость ихъ — пустѣйшая изъ фразъ

Въ учено-схоластическомъ жаргонѣ,

Я, кажется, охотно бы повѣрилъ,

Что золотыя грезы о Калонѣ

Уже сбылись, что я его сыскалъ
Въ себѣ самомъ. Мой миръ недолговѣченъ,
Но все же хорошо его извѣдать
Хотя однажды. Нужно записать,
Что есть такое ощущение . . . Кто тамъ?

(Входитъ Германъ)

ГЕРМАНЪ. Аббать Св. Мориса. (Входитъ аббать)

АББАТЬ. Миръ дому!

МАНФРЕДЪ. Благодарю, святой отецъ! Да будетъ

Для замка твой приходъ благословеньемъ.

АББАТЬ. Дай Богъ, чтобъ было такъ! Но я желалъ
бы

Поговорить глазъ на глазъ.

МАНФРЕДЪ. Выйди, Германъ.

Что скажешь мой достопочтенный гость?

АББАТЬ. Скажу безъ предисловія: санъ, сѣдины,

Желаніе добра тебѣ и наше

Давнишнее сосѣдство, хоть знакомы

И не были съ тобою мы, даютъ мнѣ

На это право. Станный и ужасный

Пронесся слухъ, и этотъ слухъ позорить

Твое, графъ, имя, — доблестное имя,

Которое ты долженъ для потомства

Такимъ же и оставить.

МАНФРЕДЪ. Продолжай,

Я слушаю.

АББАТЬ. Ты, говорятъ, предался

Грѣховнымъ и таинственнымъ наукамъ,

Вступилъ въ союзъ съ сынами преисподней,

Съ нечистой силой демоновъ и бѣсовъ,
Блуждающихъ въ долины сѣни смертной.
Съ людьми, своими братьями по духу,
Общаешься ты рѣдко, жизнь проводишь
Въ уединеннѣ: свято ли оно?

Манфредъ. Скажи, кто распускаетъ эти слухи?

Авбатъ. Мои благочестивые собратья,
Окрестный людъ, — твои вассалы даже,
Что на тебя взираютъ съ безпокойствомъ,
Да мы и всё за жизнь твою трепещемъ.

Манфредъ. Возьми ее.

Авбатъ. Я прихожу спасать.

А не губить. Я не хочу касаться
Твоей души, но, если справедливы
Всѣ эти слухи, вѣрь, еще не поздно
Очиститься отъ скверны покаяньемъ
И примириться съ церковью и небомъ.

Манфредъ. Я выслушалъ. И вотъ что я
отвѣчу:

Кто бъ ни былъ я, но я не изберу
Посредникомъ межъ мной и небесами
Ни одного изъ смертныхъ. Если я
Уставы нарушаю — покарайте.

Авбатъ. Мой сынъ, я не о карѣ говорю, —
Я только призываю къ покаянью.
Пусть наказуетъ небо. «Мнѣ отмщенъ»,
Сказалъ Господь, и со смиреннымъ сердцемъ,
Рабъ Господа, я только повторяю
Его глаголы грозные.

Манфредъ.

Старикъ!

Ни власть святыхъ, ни скорбь, ни покаянье,
Ни тяжкій постъ, ни жаркія молитвы,
Ни даже муки совѣсти, способной,
Безъ демоновъ, безъ страха предъ геенной,
Преобразить въ геенну даже небо, —
Ничто не въ состояннѣ исторгнуть
Изъ нѣдръ души тяжелаго сознанья
Ея грѣховъ и сокровенной муки.
Та кара, что преступникъ налагаетъ
Самъ на себя, страшнѣй и тяжелѣе
Загробныхъ мукъ.

Авбатъ. Я радъ все это слышать,
Затѣмъ что все это должно смѣниться
Надеждой благодатной, что спокойно
Взираетъ на блаженную обитель,
Ее же всякій ищущій обрящетъ,
Коль скоро онъ покинетъ путь неправый.
Начало же спасенія — сознанье
Его необходимости. Покайся —
И всѣ грѣхи, что отпустить я властенъ,
Я отпущу, — что преподавать сумѣю,
Все преподамъ.

Манфредъ. Когда несчастный Неронъ,
Чтобы избѣгнуть мукъ позорной смерти
Передъ лицомъ сенаторовъ, недавнихъ
Его рабовъ, ударилъ въ грудь кинжаломъ,
Какой-то воинъ, полный состраданья,
Прижалъ свой плащъ къ его смертельной ранѣ,

Но Неронъ оттолкнулъ его и молвилъ
Съ величіемъ во взорѣ: «слишкомъ поздно!».

Авбатъ. Къ чему ты клонишь рѣчь?

Манфредъ. Я отвѣчаю

На твой призывъ къ спасенію: слишкомъ поздно!

Авбатъ. Нѣтъ, никогда не поздно примириться

Съ своей душой, а чрезъ нее и съ небомъ.

Иль у тебя нѣтъ никакихъ надеждъ?

Вѣдь даже тѣ, что въ небеса не вѣрятъ,

Живутъ какой-нибудь земной мечтой,

Прильнувши къ ней, какъ тонущій къ тростинкѣ.

Манфредъ. О, да, отецъ, и я лелѣялъ грезы

И я мечталъ на утрѣ юныхъ дней:

Мечталъ быть просвѣтителемъ народовъ,

Достичь небесъ — зачѣмъ? Богъ вѣсть! быть-
можетъ,

Лишь для того, чтобъ снова пасть на землю,

Но пасть могучимъ горнымъ водопадомъ,

Что, съ высоты заоблачной свергаясь

Въ дымящуюся бездну, возстаетъ

Изъ бездны въ высь туманами и снова

Съ небесъ стремится дивнемъ. — Все прошло

И все это былъ сонъ.

Авбатъ. Но почему же?

Манфредъ. Я обуздать себя не могъ; кто хочетъ

Повелѣвать, тотъ долженъ быть рабомъ;

Кто хочетъ, чтобъ ничтожество признало

Его своимъ властителемъ, тотъ долженъ

Умѣть передъ ничтожествомъ смиряться,

Повсюду проникать и поспѣвать,

И быть ходячей ложью. Я со стадомъ

Мѣшаться не хотѣлъ, хотя бы могъ

Быть вожакомъ. Левъ одинокъ — я тоже.

Авбатъ. Зачѣмъ не жить, не дѣйствовать иначе?

Манфредъ. Затѣмъ, что я всегда гнушался жизни.

Я не жестокъ; но я — какъ жгучій вихрь,

Какъ пламенный самумъ, что обитаетъ

Лишь въ тишинѣ пустынь и одиноко

Кружить среди ея нагихъ песковъ,

Въ ея безплодномъ, дикомъ океанѣ.

Онъ никого не ищетъ, но погибель

Грозитъ всему, что встрѣтитъ онъ въ пути.

Такъ жилъ и я; и тѣхъ, кого я встрѣтилъ

На жизненномъ пути, — я погубилъ.

Авбатъ. Увы! Я начинаю опасаться,

Что я тебѣ помочь уже не въ силахъ.

Но ты еще такъ молодъ, я хотѣлъ бы . . .

Манфредъ. Святой отецъ! Есть люди, что старѣ-
ютъ

На утрѣ дней, что гибнуть, не достигнувъ

До зрѣлыхъ лѣтъ, — и не случайной смертью;

Иныхъ пороки, иныхъ науки губятъ,

Иныхъ труды, иныхъ томленіе скуки,

Иныхъ болѣзни, безумье, а иныхъ —

Душевныя страданія и скорби.

Страшнѣе нѣтъ послѣдняго недуга:

Всѣ имена, всѣ формы принимая,

Онъ требуетъ гораздо больше жертвъ,

Чѣмъ значится въ зловѣщихъ спискахъ Рока.
Вглядись въ меня! Душевные недуги
Я всё позналъ, хотя довольно бѣ было
И одного. Такъ не дивись тому,
Что я таковъ, дивись тому, чѣмъ былъ я,
Тому, что я еще живу на свѣтѣ.

Авбать. Но выслушай . . .

Манфредъ. Отецъ, я уважаю
Твои года и званіе; я вѣрю,
Что ты пришелъ ко мнѣ съ благою цѣлью,
Но ты предпринялъ тщетный трудъ. Быть гру-

бьмъ

Я не хочу, — я лишь тебя щажу,
А не себя, такъ рѣзко обрывая
Нашъ разговоръ — и потому — прости!

(Уходитъ)

Авбать. Онъ могъ бы быть возвышеннымъ соз-
даньемъ.

Въ немъ много силъ, которыя могли бы
Создать прекрасный образъ, будь онъ
Направлены разумнѣе; теперь же
Царить въ немъ страшный хаосъ: свѣтъ и
мракъ,

Возвышенные помыслы — и страсти,
И все въ смѣшеніи бурномъ, все мятется
Безъ цѣли и порядка; все или дремлетъ,
Или разрушенія жаждетъ: онъ стремится
Къ гибели, но долженъ быть спасенъ,
Затѣмъ что онъ достоинъ искупленія.

Благая цѣль оправдываетъ средства,
И я на все дерзну. Пойду за нимъ
Настойчиво, хотя и осторожно.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Другая комната

Манфредъ и Германъ

Германъ. Вы, господинъ, велѣли мнѣ явиться

Къ вамъ на закатѣ: солнце ужъ заходитъ.

Манфредъ. Да? — Я взгляну. (Подходить къ окну)

Великое свѣтило!

Богъ первозданной, дѣвственной природы!

Кумиръ могучихъ первенцевъ земли,

Не вѣдавшихъ болѣзней, — исполнись,

Родившихся отъ ангеловъ и дѣвъ,

Сіявшихъ красотой неизреченной!

Царь межъ свѣтилъ, боготворимый міромъ

Отъ первыхъ дней творенія, вливавшій

Восторгъ въ сердца халдейскихъ пастуховъ

И слышавшій ихъ первыя молитвы!

Избранникъ Неземного, что явило

Въ тебѣ свой свѣтлый образъ на землѣ!

Вѣнецъ и средоточіе вселенной,

Дающее небесную отраду

Всему, что прозябаетъ въ дольномъ мірѣ!

Владыка всѣхъ стихій и повелитель

Всѣхъ странъ земныхъ, повсюду положившій

Свои неизгладимыя печати
На духъ и обликъ смертныхъ! Ты, что всхо-
дишь,

Свершаешь путь и угасаешь въ славѣ!
Ты, видѣвшее нѣкогда мой первый
Взоръ, полный изумленья и восторга!
Прости навѣкъ, — прими мой взоръ послѣдній!
Въ послѣдній разъ тебя я созерцаю;
Твои лучи ужъ больше никогда
Не озарятъ того, кому даръ жизни
Былъ даромъ роковымъ. — Оно сокрылось;
Мой часъ насталь.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Горы. — Въ отдаленіи замокъ Манфреда. — Терраса передъ
башней. — Сумерки

Германъ, Мануэль и другіе слуги Манфреда

Германъ. Дивлюсь я графу: вотъ ужъ сколько
лѣтъ

Всѣ ночи онъ безъ сна проводитъ въ башнѣ —
И непремѣнно въ башнѣ. Я бывалъ въ ней,
Но по тому, что есть въ ней, не рѣшишь,
Чѣмъ занять онъ. Навѣрно, потайная
Есть комната, и сколько бы я отдалъ,
Чтобъ только заглянуть въ нее!

Мануэль. Напрасно.
Доволенъ будь и тѣмъ, что ты ужъ знаешь.

Германъ. Ахъ, Мануэль, ты старше насъ и могъ бы
Поразсказать намъ многое о замкѣ.
Когда ты поступилъ сюда?

Мануэль. Давно.

Я до рожденья графа былъ слугою
Его отца, съ которымъ никакого
Онъ не имѣетъ сходства.

Германъ. Что жъ, не рѣдкость!

Мануэль. Я говорю не о чертахъ лица.

Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, но простъ и ве-
сель,

Любилъ пиры и битвы, а не книги,
Любилъ людей — и ночи превращалъ
Не въ бдѣнія угрюмыя, а въ праздникъ,
Да вѣдь какой! Онъ не блуждалъ, какъ волкъ,
По дебрямъ и ущельямъ, — не чуждался
Земныхъ утѣхъ и радостей.

Германъ. Проклятье!

Вотъ были времена! И неужели
Они ужъ не вернутся въ эти стѣны,
Что смотреть такъ, какъ будто и не знали
Счастливыхъ дней?

Мануэль. Пусть прежде перемѣнятъ
Владѣльца эти стѣны. О, я видѣлъ
Не мало въ нихъ диковиннаго, Германъ!

Германъ. Будь добръ и Расскажи хоть что-ни-
будь.

Мнѣ помнится, что возлѣ этой башни
Случилось что-то: ты мнѣ намекалъ.

Мануэль. Быль, видишь ли, точь въ точь такой
же вечерь,

Какъ и теперь; на Эйгерѣ краснѣла
Точь въ точь такая жъ тучка; вѣтеръ дулъ
Порывистый и снѣжныя вершины
Ужъ заливала трепетнымъ сіаньемъ
Всходявшая луна; графъ Манфредъ,
Какъ и теперь былъ въ башнѣ; что онъ дѣлалъ,
Богъ вѣсть, — но только съ нимъ была
Та, что дѣлила всё его скитанья
И бдѣнія полночныя: Астарта,
Единственное въ мірѣ существо,
Которое любилъ онъ, что, конечно,
Родствомъ ихъ объяснялось . . .

Кто идетъ?

Аввать. Гдѣ графъ?

Германъ. Вотъ въ этой башнѣ.

Аввать. Постучись —

Мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

Германъ. Не смѣю

Я нарушать его уединенье.

Аввать. Но мнѣ его необходимо видѣть,

Я на себя возьму твою вину.

Германъ. Вѣдь ты его недавно видѣлъ.

Аввать. Германъ!

Ступай безъ разсужденій.

Германъ. Я не смѣю.

Аввать. Такъ я войду безъ всякаго доклада.

Мануэль. Святой отецъ, постоитъ! Я прошу васъ.

Аввать. Но почему?

Мануэль. Пожалуйте сюда, —
Благоволите выслушать.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Внутренность башни

Манфредъ (одинъ). Сверкаютъ звѣзды, — снѣж-
ныя вершины

Сіяютъ въ лунномъ свѣтѣ. — Дивный видъ!

Люблю я ночь, — мнѣ образъ ночи ближе,

Чѣмъ образъ человѣка; въ созерцаньи

Ея спокойной, грустной красоты

Я постигаю рѣчь иного міра.

Мнѣ помнится, — когда я молодъ былъ

И странствовалъ, — въ такую ночь однажды

Я былъ среди развалинъ Колизея,

Среди останковъ царственнаго Рима.

Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,

На синевѣ полуночной темнѣя,

Чуть колыхались по вѣтру, и звѣзды

Сіяли сквозь руины; изъ-за Тибра

Быль слышенъ лай собакъ, а изъ дворца —

Протяжный стонъ совы и, замирая,

Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ

Далекіе напѣвы часовыхъ.

Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками,

Стояли кипарисы — и казалось,

Что ихъ кайма была на горизонтѣ,

А между тѣмъ лишь на полетъ стрѣлы
Я былъ отъ нихъ. — Гдѣ Цезарь жилъ когда-то
И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,
Уже не лавръ, а дикій плющъ растетъ,
И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ,
Среди твердынь, сровнявшихся съ землею.
Кровавый циркъ стоитъ еще донинѣ,
Еще хранить въ руинахъ величавыхъ
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги ужъ давно
Поверглись въ прахъ и стали грудой камня.
И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,
Лишь ты одна смягчала нѣжнымъ свѣтомъ
Сѣдую древность, дикость запустѣнья,
Скрывая всюду тяжкій слѣдъ времянь!
Ты красоты былой не измѣняла,
Но осѣняла новой красотой
Все, въ чемъ она погибла, и руины
Казались священными, и сердце
Нѣмымъ благоговѣниемъ наполнялось
Передъ нѣмымъ величьемъ древней славы,
Предъ тѣмъ державнымъ прахомъ, что донинѣ
Внушаетъ намъ невольный трепеть. — Странно,
Что вспомнилась мнѣ эта ночь сегодня;
Уже не разъ я замѣчалъ, какъ дико
Мянутся наши мысли въ тѣ часы,
Когда сосредоточиться должны мы.

(Входятъ аббатъ)

Аббатъ. Я вновь къ тебѣ непрошеннымъ являюсь,
Но пусть мое смиренное стремленье
Помочь тебѣ — не прогнѣвить тебя:
Пусть все, что есть въ немъ темнаго, дурного,
Падетъ лишь на меня, а все благое —
Да осѣнитъ твою главу, — я страстно
Сказать хотѣлъ бы: *сердце!* Если бъ тронуть
Я могъ его молитвой или словами,
Я спасъ бы духъ, который лишь случайно
Блуждаетъ въ тѣмѣ.

Манфредъ. Напрасная надежда!
Мой путь свершенъ, моя судьба рѣшилась.
Но уходи, — тебѣ здѣсь быть опасно.

Аббатъ. Ты хочешь запугать меня?

Манфредъ. О, нѣтъ.
Я говорю лишь, что близка опасность.

Остерегись.

Аббатъ. Чего?

Манфредъ. Гляди сюда:

Ты видишь?

Аббатъ. Нѣтъ.

Манфредъ. Гляди, я повторяю,

И пристально. Теперь скажи, — ты видишь?

Аббатъ. Я вижу, что встаетъ изъ-подъ земли,
Какъ адскій богъ, какой-то мрачный
призракъ;

Его лицо закрыто покрываломъ,

Онъ весь повитъ тяжелыми клубами

Свинцовой мглы, но онъ не страшень мнѣ.

Манфредъ. Я знаю, что тебя онъ не коснется,

Но взоръ его убьетъ тебя на мѣстѣ, —

Ты старъ и дряхль, — уйди, прошу тебя!

Аббатъ. А я въ отвѣтъ: доколѣ не сражуся

Съ исчадьемъ тьмы, — не сдѣлаю и шагу.

Зачѣмъ онъ здѣсь?

Манфредъ. Да, да, зачѣмъ онъ здѣсь?

Кто звалъ его? Онъ гость никѣмъ не званый.

Аббатъ. Погибшій смертный! Страшно и подумать,

Что ждетъ тебя! Съ какою цѣлью ходить

Къ тебѣ такіе гости? Почему

Вы смотрите такъ зорко другъ на друга?

А, онъ покровъ свой сбросилъ: на челѣ —

Слѣды змѣистыхъ молній, взоръ блистаетъ

Безсмертіемъ геенны — адскій призракъ,

Исчезни!

Манфредъ. Духъ, зачѣмъ ты здѣсь?

Духъ. Идемъ!

Аббатъ. Невѣдомый! Скажи, отвѣтствуй: кто ты?

Духъ. Его Судьба. Идемъ, — настало время.

Манфредъ. О, я на все готовъ, но презираю

Твой властный зовъ! Кѣмъ присланъ ты сюда?

Духъ. Узнаешь въ срокъ. Идемъ!

Манфредъ. Мнѣ покорялись

И болѣе могучіе, чѣмъ ты,

Я велъ борьбу съ владыками твоими, —

Сгинь, адскій духъ!

Духъ. Настало время, смертный.

Смирись.

Манфредъ. Я зналъ и знаю, что настало.

Но не тебѣ, рабу, отдамъ я душу.

Прочь отъ меня! Умру, какъ жилъ, — одинъ.

Духъ. Я помощи потребую. — Возстаньте!

(Появляются духи)

Аббатъ. Исчезните, владыки тьмы! Разсѣйтесь!

Безсильны вы предъ силою небесной,

Я закляну васъ именемъ . . .

Духъ. Старикъ!

Не расточай безъ пользы словъ, — мы знаемъ,

Что властенъ ты, но здѣсь лишь мы владыки.

Напрасенъ споръ: онъ кары не избѣгнетъ.

Вновь говорю: идемъ, настало время

Манфредъ. Я презираю васъ, — я съ каждымъ

вздохомъ

Теряю жизнь, но презираю васъ!

Я не смирюсь, покуда сердце бьется,

Не отступлю, хотя бы мнѣ пришлось

Бороться съ цѣлымъ адомъ; вамъ удастся

Взять не меня, а только трупъ.

Духъ. Безумецъ!

Какъ жадно онъ цѣпляется за жизнь,

Которая дала ему лишь муки!

И это Магъ, стремившійся проникнуть

За грань земныхъ предѣловъ и мечтавшій

Быть равнымъ намъ?

Манфредъ. Исчадь тьмы, ты лжешь!

Мой часъ насталъ, — я это зналъ и знаю,

Но не хочу ни на одно мгновенье

Продлить его: тебѣ съ толпою присныхъ
Противлюсь я, а не велѣньяиъ смерти.
Я власть имѣлъ, но я обязанъ ею
Былъ не тебѣ: своей могучей волѣ,
Своими трудами, своими ночамиъ бессоннымиъ
И знаніямиъ тѣхъ дней, когда Земля
Людей и духовъ въ братствѣ созерцала
И равными считала ихъ. Бесильны
Вы предо мной, — я презираю васъ,
Вы жалки мнѣ!

Духъ. Ты не избѣгнешь кары:
Твои грѣхи . . .

Манфредъ. Не ты судья грѣхамъ!
Караешь ли преступника преступникъ?
Убийцу татъ? Сгинь, адскій духъ! Я знаю,
Что никогда ты мной не овладѣешь,
Я чувствую бессиліе твое.
Что сдѣлалъ я, то сдѣлалъ; ты не можеешь
Усилить мукъ, въ моей груди сокрытыхъ:
Безсмертный духъ самъ судъ себѣ творить
За добрыя и злыя помышленья.
Меня не искушалъ ты и не могъ
Ни искушать, ни обольщать, — я жертвой
Твоей донинѣ не былъ — и не буду.
Сгубивъ себя, я самъ и покараю
Себя за грѣхъ. Исчадье тьмы, разсѣйтесь!
Я покоряюсь смерти, а не вамъ! (Духи исчезаютъ)
Авбатъ. Увы, ты страшенъ — губы посинѣли —
Лицо покрыла мертвенная блѣдность —

Въ гортани хрипъ. — Хоть мысленно покайся!
Молись — не умирай безъ покаянья!
Манфредъ. Все кончено — глаза застлалъ ту-
манъ —
Земля плыветъ — колышется. Дай руку —
Прости навѣкъ.

Авбатъ. Какъ холодна рука!
О. вымолви хоть слово покаянья!
Манфредъ. Старикъ! Повѣрь, смерть вовсе не
страшна. (Умираетъ)
Авбатъ. Онъ отошелъ — куда? — страшусь по-
думать —

Но отъ земли онъ отошелъ навѣки.
1903 г.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

МИСТЕРІЯ

Когда люди начали умножаться, сыны Божіи увидѣли
дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ
себѣ въ жены. Быт. VI

And woman wailling for her demon lover
Coleridge

DRAMATIS PERSONAE

Духи: Рафаиль. Саміазъ. Азазіиль.

Люди: Ной. Симъ. Іафетъ. Ирадъ. Ана. Аголибама

Хоръ Духовъ Земли.

Хоръ смертныхъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гористая, покрытая лѣсомъ мѣстность близъ Арарата. —
Полночь

Ана и Аголибама

Ана. Отецъ уснулъ. Вотъ часъ, въ который тѣ,
Что любить насъ, нисходятъ сквозъ туманы
Скалистыхъ горъ. Какъ сильно бьется сердце!

Аголибама. Пора, начнемъ.

Ана. Въ туманѣ скрылись звѣзды.
Я вся дрожу.

Аголибама. И я — отъ нетерпѣнья.

Ана. Сестра, онъ мнѣ дороже — о, гораздо
Дороже, чѣмъ . . . Но что со мной? Злой де-
монъ

Вошелъ въ меня!

Аголибама. Любить слугу Творца
Ужели зло?

Ана. Но я, Аголибама;
Творца любила болѣе до встрѣчи
Съ Его слугой. Права ли я, — не знаю,
Но вѣчный страхъ, рождающій такъ много
Тревогъ въ душѣ, — зловѣщій знакъ!

Аголибама. Тогда
Соедини судьбу свою со смертнымъ,

Работай съ нимъ. Вотъ Иафеть: онъ любить Тебя давно и сильно. Стань супругой, Помощницей ему — и размножай Ему подобныхъ.

Ана. Я Азавила
Любила бы не меньше, если бь онъ
И смертнымъ былъ. Мнѣ только сладко ду-
мать,

Что онъ переживетъ меня. При мысли,
Что онъ крыломъ безсмертнымъ осѣнитъ
Могильный холмъ надъ бѣднымъ чадомъ праха,
Его любившимъ тою же любовью,
Какой онъ Бога любить, даже смерть
Не столь ужасна кажется. И все же
Мнѣ жаль его: скорбь ангела должна
Быть вѣчною, — моя, по крайней мѣрѣ,
Была бы вѣчной, будь я серафимомъ,
А онъ — потомкомъ Евы.

Аголивама. Онъ другую
Любить не меньше будетъ, чѣмъ теперъ
Онъ любить Ану.

Ана. Чтб жь, я предпочла бы,
Чтб онъ съ другой былъ счастливъ, чѣмъ то-
мился

Тоской о мертвой!

Аголивама. Если бы и я
Такъ думала о страсти Саміаза,
Я на нее отвѣтила бь презрѣньемъ.
Но часъ насталь. Пора.

Ана.

Азавиль!

Гдѣ бь ни былъ ты въ чертогѣ вѣчномъ,
Хотя бы сонмы звѣздъ текли
Отъ крыль твоихъ въ пространствѣ безконеч-
номъ,

Явись! Внемли!

Ты предстоишь въ числѣ Семи, ты славень,
Но вспомни ту, кѣмъ ты любимъ,
Кому ты — все и съ кѣмъ ни въ чемъ не
равень,

Кто созданъ Всеблагимъ

Послѣдней изъ лишенныхъ Рая!
Ты раздѣляешь вѣчность съ Нимъ,
Среди міровъ безчисленныхъ блуждая,
Краса твоихъ небесныхъ глазъ
Не омрачается слезами,
И лишь любовь связуетъ насъ,
Но вотъ, взгляни — никто подъ небесами
Не плакаль такъ и не любилъ,

Какъ я люблю и плачу предъ тобою!
Тебѣ даровано судьбою

Блаженствовать предъ ликомъ Бога Силь,
Но отзовись! Внемли, Азавиль!
Скажи, что близокъ мнѣ какъ прежде,
Затѣмъ что жизнь моя — въ одной
Безсмертной сладостной надеждѣ
Любить и быть любимой тобой.

Блаженство наше — сновидѣнья
О куцахъ райскаго селенья, —

Напомни ихъ! Покинь свой горній постъ,
Повѣй на мигъ очарованьемъ
И сонмамы звѣздъ
Оставь сіять ихъ собственнымъ сіяньемъ.
Аголибама. О, Саміазъ!
Услышь мой зовъ!
Гдѣ бы ни былъ ты въ предвѣчномъ мірѣ:
Ведешь ли брань среди враговъ
Творца всѣхъ силъ и всѣхъ міровъ,
Благоволишь ли въ райскомъ клирѣ
Возвыситъ свой хвалебный гласъ,
Иль отвращаешь страшный часъ
Звѣзды, съ пути сорвавшейся въ эфирѣ, —
О, Саміазъ!
Я жду тебя, люблю и призываю.
Я ни предъ кѣмъ чела не преклоняю,
Но если ты къ душѣ моей
Стремишься вѣчною душою, —
Приди, дѣли мою судьбу со мною!
Я — прахъ земли, ты — свѣтъ лучей,
Что ярче солнца Рая свѣтитъ,
Но вѣрь, что на любовь мою
Твоя любовь страстиѣе не отвѣтитъ!
И я въ груди своей таю
Запретный свѣтъ, бессмертное начало;
Могилу намъ Праматерь завѣщала,
Но развѣ смерть насъ разлучитъ?
Есть голосъ, что какъ громъ звучитъ,
Что, побѣждая Время и Страданья,

Мнѣ говорить о вѣчности моей!
На радость ли? Сокрыты отъ людей
Творцомъ Его предначертанья.
Я чувствую и знаю лишь одно,
Что Имъ дано бессмертье людямъ,
Что мы и съ Нимъ боремся будемъ,
Разъ такъ судьбою суждено.
Онъ сокрушать лишь формы можетъ,
Онъ духа моего не уничтожитъ,
И мнѣ съ тобой не страшень даже адъ:
Ты жизнь дерзнулъ дѣлать со мною —
Меня ли муки устрашать?
Нѣтъ! Я въ улыбка мучи скрою,
Я ихъ глубоко затаю:
Хотя бы снова грудь мою
Насквозь проникло жало змія,
Иль самъ ты зміемъ льнулъ къ груди, —
Я заключила бы въ такія
Тебя объятья! . . . Но приди,
Узнай, какимъ полна томленьемъ
Любовь земная къ небесамъ,
Иль, если ты блаженный тамъ,
Останься глухъ къ моимъ молениямъ!
Ана. Сестра! Сестра! Я вижу ихъ, я вижу
Ихъ яркій путь во мракѣ!
Аголибама. Облака
Бѣгутъ отъ нихъ, какъ на зарѣ отъ солнца.
Ана. Что, если бъ нашъ отецъ, Аголибама,
Увидѣлъ ихъ!

Аголибама. Подумалъ бы, что это
Луна встаетъ до срока, на призывы
Волшебника.

Ана. Сестра, я различаю
Черты Азасила!

Аголибама. Поспѣшимъ
Навстрѣчу къ нимъ. Ахъ, если бы на крыльяхъ
Взлетѣть и пасть на сердце Саміаза!

Ана. Смотри, весь западъ въ пламени, какъ будто
Закатъ горитъ! Вотъ гребень Арарата
Зажегся алымъ отблескомъ ихъ крыль . . .
Вотъ этотъ отблескъ таетъ, исчезаетъ,
Какъ пѣна моря, поднятая вверхъ
Игрою левіаѳана изъ бездонныхъ
Морскихъ пучинъ . . .

Аголибама. Они земли коснулись!
Мой Саміазъ!

Ана. Азасиль! Любимый! (*Exeunt*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ирадъ и Іафетъ

Ирадъ. Будь тверже, братъ! Чтѣ пользы молчаливо
Бродитъ въ молчаньи ночи, устремивъ
Глаза, слезами полные, на звѣзды?
Онѣ вѣдь не помогутъ.

Іафетъ. Но онѣ
Смягчаютъ скорбь, — быть-можетъ, Ана тоже
Глядитъ теперь на звѣзды. Созерцая

Безсмертную и вѣчную красу,
Прекрасное и юное созданье
Еще прекраснѣй кажется. О, Ана!

Ирадъ. Но страсть твоя отвергнута?

Іафетъ. Увы!

Ирадъ. И я Аголибамою отвергнутъ.

Іафетъ. Сочувствую всеѣмъ сердцемъ!

Ирадъ. Но оставимъ

Ея гордыню въ мирѣ. Я и самъ
Въ своей тоскѣ былъ гордостью утѣшенъ.
Есть вѣрный мститель — время.

Іафетъ. Неужель

Ты въ этой мысли черпаешь отраду?

Ирадъ. Ни скорби, ни отрады. Я любилъ
И могъ любить еще нѣжнѣй и крѣпче,
Когда бъ взаимность видѣлъ. Но теперь . . .
Пусть избираетъ высшій жребій, если
Онъ кажется ей высшимъ!

Іафетъ. Чтѣ за жребій?

Ирадъ. Есть основанье думать, что она
Другого любитъ.

Іафетъ. Ана?

Ирадъ. Не тревожься:

Сестра ея.

Іафетъ. Кого же?

Ирадъ. Я не знаю;

Но вижу, что другого.

Іафетъ. Да, но Ана

Лишь Бога любитъ.

Ирадъ. Бога, или не Бога,
Но не тебя.

Гаеть. Ты правъ. Но я люблю.

Ирадъ. И я любилъ.

Гаеть. Но, разлюбивъ, или только
Мечтая такъ, ты развѣ сталъ счастливѣй?

Ирадъ. Да, во сто кратъ.

Гаеть. Мнѣ жаль тебя.

Ирадъ. Меня!

Гаеть. Тебя, Ирадъ. Ты счастливъ сталъ, ли-
шившись

Того, чѣмъ я несчастливъ.

Ирадъ. Ты въ бреду!

За то, чтобъ бредить этимъ, я бы не взялъ

Цѣны всѣхъ стадъ, всѣхъ нашихъ козъ, когда бы

Ихъ обмѣнять на золото и мѣдь, —

На бесполезный желтый прахъ, который,

По мнѣнью каинитовъ, такъ же дорогъ,

Какъ все, что намъ приносятъ въ изобиліи

Стада и наши пастбища . . . Скитайся,

Тоскуй, на звѣзды глядя, точно волкъ

Весною въ полнолуны! Мнѣ же нуженъ

Покой и сонъ.

Гаеть. И я бы уснулъ, Ирадъ.

Когда бы могъ.

Ирадъ. Такъ ты со мной не хочешь

Идти къ шатрамъ?

Гаеть. Нѣтъ, я пойду къ пещерѣ,

Что называютъ дверью въ сокровенный

Подземный міръ, — отверстемъ, гдѣ духи
Изъ нѣдръ его выходятъ ночью къ людямъ.

Ирадъ. Зачѣмъ?

Гаеть. Затѣмъ, чтобъ усладить печалью
Печальный духъ: онъ столь же безнадеженъ,
Какъ тѣ мѣста.

Ирадъ. Они ужасны. Станный
Царить тамъ гуль, и странныя видѣнья
Проходятъ въ полумракѣ. Одному
Тебѣ идти опасно.

Гаеть. Нѣтъ. Повѣрь мнѣ:
Тому, кто не замыслилъ зла, не страшны
И козни злыхъ.

Ирадъ. Но злые тѣмъ враждебнѣй,
Чѣмъ болѣе мы чужды имъ. Вернись,
Или я пойду съ тобою.

Гаеть. Нѣтъ, я долженъ
Идти одинъ.

Ирадъ. Да будетъ миръ съ тобою! (*Exit*)

Гаеть (*solus*). Миръ! Онъ — въ любви, и я
искалъ его,

Искалъ съ любовью, можетъ-быть, достойной
Его отрадъ. И вотъ нашель тоску,

Дни, полные томленія, усталость

И ночи, сна лишеныя. Миръ! Миръ!

Спокойствіе отчаянья, безмолвье

Лѣсныхъ трущобъ, смущаемыхъ порою

Лишь стономъ бурь, — вотъ миръ души моей,

Измученной и полной то смятеньемъ,

То мертвымъ сномъ. Земля развращена,
И много было знаменій, гласившихъ,
Что близокъ часъ возмездія. О, Ана!
Когда придетъ онъ, грозный, всегубящій,
И распахнетъ хлябь бездны, ты надежный
Нашла бь пріютъ у любящаго сердца,
Что такъ напрасно бьется и вдвойнѣ
Напраснѣй будетъ биться въ ту минуту,
Когда твое . . . Смягни свой гнѣвъ, о, Боже,
Хотя надъ ней! Она чиста на грѣшной
Землѣ, какъ звѣзды въ тучѣ, что не можетъ
Ихъ угасить своею тьмой. Ты, Ана,
Ты оттолкнула сердце, что могло
Боготворить красу твою! И все же
Я бь отдалъ жизнь, чтобъ дать тебѣ спасенье,
Чтобъ сохранить отъ гибели, когда
Левіаѳанъ, владыка безграничныхъ
Морскихъ пучинъ, самъ изумится шири
Своихъ державъ. (*Exit*)

(Входятъ Ной и Симъ)

Ной. Гдѣ братъ твой Іафетъ?

Симъ. Братъ говорилъ, что онъ идетъ къ Ираду,
Но я боюсь, что къ Анѣ, — къ тѣмъ шатрамъ,
Вокругъ которыхъ вьется онъ, какъ голубь
Вокругъ гнѣзда, раскиданнаго бурей,
Иль къ той пещерѣ страшной, гдѣ зяеетъ
Входъ въ нѣдра Арарата.

Ной. Что тамъ дѣлать?
Тамъ пупъ земли, въ грѣхахъ погрязшей; тамъ

Сбирается все зло ея, всѣ духи,
Что нечестивѣй даже каинитовъ.
Онъ и донинѣ любить столь же страстно
Дочь обреченныхъ гибели, хотя
Не могъ бы, даже будучи любимымъ,
Стать мужемъ ей. Какъ жалки и несчастны
Сердца людей! Онъ — кровный мой, онъ знаетъ
Все зло сихъ дней, онъ знаетъ близость кары —
И жадно предается низкой страсти!
Идемъ къ нему.

Симъ. Остерегись, отецъ!

Я отыщу одинъ его.

Ной. Не бойся:

Надъ избраннымъ Іеговой зло безсильно.
Веди меня.

Симъ. Къ шатрамъ сестеръ?

Ной. Къ пещерѣ. (*Exeunt*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Пещера и скалы Арарата

Іафетъ. Ты, дикій міръ, что кажешься мнѣ вѣч-
нымъ!

Ты, горный кряжъ, въ своей красѣ столь гроз-
ный

И столь разнообразный! Ты, пещера,
Бездонная по виду! Здѣсь, среди
Суроваго величья скалъ, деревьевъ,
Вдѣшившихся корнями въ сердце сѣрыхъ

Нагихъ стремнинъ, гдѣ ни единый смертный
Безъ трепета не ступить, если только
Достигнетъ ихъ, — здѣсь вѣришь въ вашу вѣч-
ность!

Но минетъ день, быть-можетъ, часъ — и воды
Раздавятъ васъ! И бурная волна
Съ разбѣгу хлынетъ въ темный зѣвъ пещеры,
Прослывшей ходомъ въ тартаръ. И дельфины
Войдутъ, играя, въ логовище льва.

А люди . . . Братья-люди! Я увижу .
Великую могилу: кто жъ со мною
Раздѣлитъ скорбь? Увы, никто! И лучше ль
Мой рокъ, чѣмъ вашъ? Что ожидаетъ ихъ,
Мѣста, гдѣ я скитался, полный сладкихъ
Надеждъ и думъ, и дикіе, но столь же
Отрадныя пріюты, гдѣ страдалъ я?
Возможно ли? Вотъ этотъ дальній пикъ,
Чье острее звѣздой горитъ, — возможно ль,
Что онъ исчезнетъ въ безднѣ? Что тумановъ
Волнистыя покровы ужъ не будутъ
Спадать съ его угрюмага чела
Подъ восходящимъ солнцемъ? И огромный
Шаръ солнца не зайдетъ за нимъ, вѣнчая
Его главу короной многоцвѣтной?
И перестанетъ быть она пріютомъ,
Ближайшимъ къ звѣздамъ неба, маякомъ
Для ангеловъ, сходящихъ въ міръ? Ужели
Лишь насъ съ отцомъ, да тварей, имъ избран-
ныхъ,

Спасетъ Творецъ? Онъ *ихъ* шадить, а я
Созанія, прекраснѣйшаго въ мірѣ,
Не защищу отъ участи, которой
Избѣгнетъ даже змѣй съ змѣей, чтобъ снова
Вести свой родъ и уязвлять, шипя,
Тотъ нѣкій міръ, что возродится въ тинѣ,
Которая покроетъ прахъ былого
И будетъ тлѣть, покуда топъ болотъ
Не сузится подъ солнцемъ и не станетъ
Всемирнымъ мавзолеемъ на могилахъ
Миряды существъ, теперь еще живыхъ.
О, сколько ихъ погибнетъ! Ночь за ночью
И день за днемъ, съ разбитою душой,
Слѣжу твои сосчитанныя ночи
И дни твои, прекрасный, юный міръ,
На гибель обреченный! Я не въ силахъ
Спасти тебя — и даже ту, что правитъ
Моей любовью къ міру; но не въ силахъ
Помыслить и о будущемъ — безъ чувства . . .

(Смолкаетъ. Изъ пещеры вырывается гулъ, взрывы хохота
и появляется Духъ)

ГЛАФЕТЪ. Во имя неба, кто тамъ?

ДУХЪ.

Ха-ха-ха!

ГЛАФЕТЪ. Повелѣваю всѣмъ, что есть святого:
Отвѣтствуй мнѣ.

ДУХЪ.

Ха-ха!

ГЛАФЕТЪ.

Повелѣваю

Днемъ скорого возмездія! Землю,
Которую задушить хлябь, разверзнувъ

Нашъ мститель — Богъ. Въ *Его* рукахъ,
А не въ твоихъ дѣла земныя.

Разсѣйся въ прахъ!

Сокройся въ бездны потайныя,
Пока не хлынетъ въ нихъ волна
И вновь не выкинетъ со дна

Твой злобный родъ на волю урагановъ,
Въ безбрежность бурныхъ океановъ!

Духъ. Когда ковчегъ

Носить стихіи водныя устанутъ,
Ужель, о, сынъ Избранника, настанутъ
Дни радостей и нѣгъ?

Нѣтъ! Новый міръ, міръ, вставшій изъ
могилы,

Уже инымъ увидишь ты:

Лишеннымъ прежней красоты,

Лишеннымъ величавости и силы,

Что и теперь еще хранятъ

Черты титановъ, порожденныхъ

Отъ женъ земли и божьихъ чадъ.

Одну лишь скорбь, въ наслѣдіе спасенныхъ,

Оставить Смерть: кто жъ превозможетъ
стыдъ

Вновь пить и ѣсть, любить, плодиться

И созидать свой жалкій бытъ?

Кто, не слѣпецъ, не тать, рѣшится

Забвенью гибнущихъ предать

И казни міра ожидать

Безъ сокрушенья, безъ отваги

Погибнуть съ нимъ въ пучинахъ влаги,
А не молить щедротъ Творца,

Не строить домъ надъ прахомъ мертвеца?
Я врагъ тебѣ — мы созданы врагами,

Но духу я не врагъ,

И есть ли хоть одинъ межъ нами,
Кто бъ для небесъ покинулъ мракъ
И насъ забылъ въ обители блаженной?

Живи, презрѣнный!

Плодись! Когда же бездна водъ
Надъ міромъ гибнущимъ застонеть,
Завидуй всѣмъ, кого она хоронитъ,
И прокляни свой низкій родъ!

Хоръ духовъ. Ликуйте! Жертвы человѣка
Заутра высь не омрачатъ.

Мы, не творившіе отъ вѣка

Молитвъ Тому, Кто любитъ кровь и чадъ,

Мы вновь увидимъ, какъ стихія

Повергнетъ въ хаосъ всѣ другія

И, сокрушивъ надменно-жалкій прахъ,
Разсѣетъ щедро остовы нагіе

По высямъ горъ, въ пещерахъ и норахъ,

Гдѣ человѣкъ мечталъ спасенье

Найти отъ страшнаго конца,

Гдѣ даже звѣри, въ страхѣ и смятеньи,

Вражду забыли — и овца

Издохла рядомъ съ тигромъ и гіеной!

Опять безмолвный ликъ вселенной

Свой довременный приметъ видъ,

И пусть, насытись, пощадить
Смерть крохи жизни для приплода,
Для новой трапезы своей:
Лишь только иль отхлынувших морей
Осушить зноем небосвода,
Из гнили вновь расти начнутъ
Недуги, скорби, муки, боли,
Вражда, убійства, старость, трудъ,
Покуда . . .

ГАОЕТЬ (прерывая). Благость Вѣчной Воли
Не изяснить намъ смыслъ добра и зла
И не сбереть все страны и народы
Подъ сѣнью мощнаго крыла,
И не лишитъ Діавола свободы,
И въ первобытной красотѣ
Не возстановитъ райскаго селенья,
Гдѣ человѣкъ отринетъ искушенья,
Гдѣ даже демоны, и тѣ
Благимъ трудомъ свои грѣхи искупятъ.
Духи. Когда же дни, столь дивные, наступятъ?
ГАОЕТЬ. Когда придетъ, сперва въ цѣпяхъ,
Потомъ во славѣ, Предреченный.
Духъ. А до того — томись въ земныхъ цѣпяхъ!
Съ самимъ собою, съ небомъ и съ геенной
Веди войну — и убивай, пока
Кровавый паръ съ полей сраженья
Не окровавитъ даже облака!
Придутъ инья поколѣнья,
Иные дни, иной и складъ и быть,

Измѣнять видъ
Страданья, зло и преступленья;
Но мѣръ грядущій снова сокрушить
Все та же страсть, — какъ славный родъ тита-
новъ

Заутра бездна океановъ.
ХОРЪ ДУХОВЪ. Смѣлѣй, смѣлѣй!
Возвысимъ, братья, гимны ликованья!
Чу! Голосъ водъ — угрюмый гулъ зыбей!
Они идутъ, растутъ среди молчанья.
Раскрылись крылья острыя вѣтровъ;
Набухли влагой нѣдра облаковъ;
Ключи великой бездны бьютъ во мракъ,
И хлябь готова хлынуть; но слѣпцамъ
Дано ль понять и видѣть знаки,
Что зримы намъ?
Они не внемлютъ грозные глаголы
Громовъ, идущихъ ратью въ небосклонъ;
Они не ловятъ быстрый и веселый
Блескъ пламенѣющихъ знаменъ.
Стенай, земля! Плачь, гибнущій столь рано
Столь юный мѣръ! Дрзжи, о, Араратъ!
Твои утесы волны сокрушатъ
И ракушки, песчинки океана
Разсѣютъ тамъ, гдѣ были пріютъ орлятъ, —
Гдѣ дикимъ воплемъ небо огласятъ
Орлы, кружа въ пустынныхъ водныхъ
безднахъ,
На зависть гибнущихъ людей,

Взывающихъ о крыльяхъ бесполезныхъ!

Смѣлѣй, смѣлѣй!

Для новыхъ бѣдствій и скорбей

Смерть на землѣ оставитъ только сѣмя.

Братоубійць исчезнетъ племя,

И очи ихъ прекрасныхъ дочерей,

Влачащихъ косы длинныя по волѣ

Тяжелой пѣнистой волны,

Съ укоромъ будутъ въ высь устремлены.

Но не избѣгнуть міру страшной доли!

И скоро гробовая тишина

Поглотитъ все укоры и проклятья.

Ликуйте, братья!

Мы нашу чашу выпили до дна:

Чередъ за тѣмъ, кто былъ смиреннымъ

Врагомъ Небесъ и недругомъ Геенны. (*Exeunt*)

ІАФЕТЪ (*solus*). Господь изрекъ Свой грозный
судъ землѣ;

Судьбу ея ковчегъ отца вѣщаетъ,

И демоны вопятъ изъ горныхъ безднѣ;

Энохъ давно въ своемъ безмолвномъ свиткѣ

Предначерталъ ей кары — и глаголы

Безмолвныхъ строкъ звучнѣй, чѣмъ громъ небесъ;

Но человекъ не внялъ и не внимаетъ, —

Онъ, какъ слѣпой, идетъ навстрѣчу карѣ,

И близость ихъ смущаетъ землю меньше,

Чѣмъ вопль ея Всевышняго смутитъ

Иль океанъ, Всевышнему послушный

И безопадный къ воплямъ о спасеннѣ.

Видъ облаковъ пока еще обыченъ —

Послѣдній день не распростеръ еще

По небесамъ знаменъ своихъ, и солнце

Взойдетъ надъ нимъ въ такомъ же яркомъ
блескѣ,

Въ какомъ взопло въ четвертый день, когда

Господь сказалъ: «Зажгись!» — и загорѣлось

Оно огнемъ, еще не озарившимъ

Отца еще не созданныхъ людей,

Но пробудившихъ — ранѣ хвалебныхъ

Молитвъ его — хвалы ужъ сотворенныхъ

И сладкогласныхъ болѣе, чѣмъ онъ,

Небесныхъ птицъ, какъ ангелы парящихъ

И, какъ они, задолго до Адама

И чадъ его, прिवѣтствующихъ свѣтъ.

Часъ гимновъ ихъ ужъ близокъ — расцвѣтаетъ

Востокъ зарей — раздастся гимнъ — и утро

Блеснетъ изъ тьмы и принесетъ имъ — гибель...

Да, утро, вслѣдъ немногихъ свѣтлыхъ утрѣ,

Опять блеснетъ, но что освѣтитъ? — Хаосъ,

Царившій до Созданія и снова

Пожрать готовый Время: ибо что

Безъ жизни часъ? Что вѣчность безъ Иеговы:

Онъ создалъ часъ и вѣчность; безъ Него

Она — ничто, какъ времена безъ жизни,

Для жизни сотворенныя и вмѣстѣ

Съ людскою жизнью гибнущія въ безднѣ,

Отъ вѣка не имѣющей начала

И ждущей истребить и человѣка,
И міръ его. — Но кто это? Созданья
Земли и вмѣстѣ неба? Нѣтъ, лишь неба.
Я лицъ не различаю — вижу только
Сквозь сумракъ очертанья ихъ, и какъ
Они красивы, двигаясь по сѣрымъ
Обрываю горь сквозь утренній туманъ!
Они идутъ — и, послѣ мрачныхъ духовъ,
Столь дико завывавшихъ свой злорадный,
Свой адскій гимнъ, отрадны мнѣ, какъ рай,
Они идутъ, быть-можетъ, съ вѣстью міру,
Что казнь его отерочена, что Ягве
Мольбамъ моимъ, столь частымъ, внялъ . . .

Но, Боже!

Я вижу Ану! Ану и . . .

(Входятъ Саміазъ, Азавилъ, Ана и Аголибама)

Ана. Сынъ Ноя!

Саміазъ. Какъ! Адамить?

Азавилъ. Зачѣмъ ты здѣсь, сынъ праха,
Когда твой родъ весь сномъ объять?

Гафеть. Безсмертный!
Зачѣмъ ты здѣсь, когда твой долгъ — быть въ
небѣ?

Азавилъ. Ты иль не зналъ, иль позабылъ, что въ
этотъ

Великій долгъ привходитъ и другой —
Быть стражемъ смертныхъ?

Гафеть. Смертныхъ ждетъ погибель,
Благіе ихъ покинули. Нѣтъ, что я!

Тьмы хаоса, идущаго на міръ,
Бѣжали даже злые. Ана! Ана!
Такъ долго, такъ напрасно, но донинѣ
Любимая! Зачѣмъ ты съ этимъ духомъ,
Когда ужъ ни единый добрый духъ
Не сходитъ къ намъ на землю?

Ана. Я не въ силахъ
Отвѣта дать. Но, Гафеть! Ты долженъ
Простить меня . . .

Гафеть. Пусть небеса, что скоро
Къ мольбамъ о милосердѣ станутъ глухи,
Простятъ тебя! Ты вся въ сѣтяхъ соблазна.
Аголибама. Уйди отъ насъ, заносчивый сынъ Ноя!
Ты намъ чужой.

Гафеть. Настанетъ часъ, быть-можетъ,
Когда ты назовешь меня иначе.
А ей я другъ.

Саміазъ. Сынъ праведнаго сердцемъ
И Господу угоднаго! Я слышу
Въ твоихъ словахъ печаль и гнѣвъ: ужель
Мы нанесли тебѣ обиду? И какую?

Гафеть. Какую? О, великую! Однако
Ты правъ: я не достоинъ быть любимымъ.
Прости же, Ана! Часто это слово
Я говорилъ, — теперь въ послѣдній разъ
Сказалъ его. Безсмертный! — я не знаю,
Кто ты, иль кѣмъ ты будешь — развѣ въ силахъ
Спасти ты эту — нѣтъ, не эту — *этихъ*
Прекрасныхъ дочерей Каина?

Азавиль. Спаси?

Но отъ чего?

Гафеть. Какъ! Ты еще не знаешь?

О, ангелы! Участники людскихъ
Грѣховъ и золь! Вамъ предстоитъ, быть-мо-
жетъ,

Участвовать и въ карѣ, иль хотя бы
Въ скорбяхъ моихъ.

Саміазъ. Въ твоихъ скорбяхъ! Впервые

Внимаю столь загадочнымъ словамъ
Отъ племени Адама.

Гафеть. Всемогущій

Не разъяснилъ ихъ развѣ? Но тогда
И васъ ждетъ смерть.

Аголиама. Пусть будетъ такъ. Но, если
Они насъ любятъ столь же, сколь любимы,
Земной удѣлъ — стать смертными — не больше,
Ихъ устрашить, чѣмъ вѣчность адскихъ мукъ,
Къ которымъ я готова съ Саміазомъ.

Ана. Сестра, не говори такъ!

Азавиль. Ты боишься?

Ана. Да, за тебя. Я съ радостью отдамъ
Остатокъ краткой жизни, лишь бы только
Тебя на часъ избавить отъ мученій.

Гафеть. Такъ это для него, для серафима,
Оставленъ я! Чтò жъ, лишь бы для него
Господь оставленъ не былъ! Ибо въ этихъ
Союзахъ смертныхъ съ душами безсмертныхъ
Не можетъ быть ни святости ни счастья.

Мы посланы на землю, чтобъ трудиться
И умирать. Они сотворены,
Чтобъ предстоять Всевышнему. И если
Спаси тебя онъ можетъ, то ужъ близокъ
Тотъ страшный часъ, въ которой только небо
Спасетъ тебя.

Ана. Ахъ! Онъ пророчитъ смерть!
Саміазъ. Смерть ангеламъ! И тѣмъ, что съ ними!

Если бъ

Онъ не былъ такъ печаленъ, я бъ отвѣтила
Ему улыбкой.

Гафеть. Я не за себя

Печалюсь иль пугаюсь: по заслугамъ
Родителя, творившаго лишь благо,
Господь судилъ спасти и чадъ его.

Но если бъ заслужилъ онъ болѣе! Иль если бъ,
Отдавши жизнь за жизнь ея — единой,
Способной счастье дать мнѣ, и послѣдней
Изъ всѣхъ потомковъ Каина, — я могъ бы
Вести ее въ святой ковчегъ — къ послѣднимъ
Потомкамъ Сноа!

Аголиама. Насъ ввести въ ковчегъ?

Насъ, съ нашей кровью пламенной, съ душою
Зачатаго на утрѣ дней въ Эдемѣ
И перваго рожденнаго? Смѣшать
Насъ съ родомъ Сноа, отпрыска послѣдней
И жалкой страсти дряхлаго Адама?
Нѣтъ, этого не будетъ, — даже ради
Спасенья міра, если бы ему

И угрожала гибель! Мы вамъ чужды —
И чуждыми останемся.

Г а ф е т ь. Сь тобой ли
Я говорилъ, Аголивама? Слишкомъ
Ты много унаслѣдовала крови
Того, кѣмъ ты гордишься, кто былъ первымъ
Пролившимъ кровь — родную кровь. Но,
Ана!

Ужель ты не близка мнѣ? Сь этимъ словомъ
Я не могу разстаться, какъ съ мечтою,
Что Авель дочь оставилъ, что въ тебѣ
Живеть, быть-можетъ, чистая, святая
Душа его потомства: столь не схожа
Ни въ чемъ, за исключеньемъ красоты,
Ты ни съ одной изъ этихъ жесткихъ сердцемъ
И гордыхъ каинитокъ!

Аголивама. Ты хотѣлъ бы
Ее похжей видѣть и душою
И сердцемъ на врага ея отца?
Когда бъ и я такъ думала, когда бы
Я увидала въ ней хоть что-нибудь
Отъ Авеля . . . Уйди отъ насъ, сынъ Ноя!
Не распайяй сердце враждой!

Г а ф е т ь. Такъ сдѣлалъ
Родитель твой, дочь Каина.

Аголивама. Не Сива
Онъ предаль смерти: пусть же между ними
И Господомъ останутся другія
Дѣла его.

Г а ф е т ь. Да, это правда: кару
Онъ претерпѣлъ. И я бы дѣлъ его
Не поминалъ, когда бы ты смущалась,
А не гордилась ими.

Аголивама. Онъ отецъ
Отцовъ моихъ, онъ первородный, мощный.
Отважный духомъ, стойкій — я не знаю
Ему подобныхъ: чтó же мнѣ смущаться
Того, что онъ мнѣ предокъ? Погляди
На красоту, на мужество, на силу
Рожденныхъ имъ! На долготу ихъ дней!

Г а ф е т ь. Ихъ дни уже исчислены.

Аголивама. Остались
Еще часы. И я часы наполню
Хвалами роду нашему.

Г а ф е т ь. Родитель
Училъ меня творить хвалы лишь Богу.
Но, Ана, ты . . .

Ана. Чтó бъ ни судилъ Иегова,
Богъ Каина и Сива, я должна
Покорной быть — и покорюсь съ терпѣньемъ.
Но если бъ, въ часъ Его великой мести,
Въ часъ гибели всѣхъ смертныхъ, я дерзнула
Къ Нему съ мольбой прибѣгнуть, не спасенья
Себѣ одной изъ всѣхъ мнѣ близкихъ, кровныхъ
Молила бъ я . . . Сестра, сестра! Чтó миръ,
Что всѣ міры и сладость всѣхъ грядущихъ
Часовъ и дней безъ сладости былого —
Любви твоей! любви отца и всѣхъ

Со мной вошедшихъ въ жизнь, подобно звѣз-
дамъ,

И озарившимъ краткимъ свѣтомъ тьму
Моихъ скорбей? Аголибама! Если
Есть въ небѣ милосердье, домогайся,
Найди его! Мнѣ смерть страшна — мнѣ
страшно,

Что ты умрешь.

Аголибама. Какъ! И мою сестру
Смутилъ безумецъ этотъ, воздвигавшій
Съ отцомъ своимъ спасительный ковчегъ —
Страшилище для всѣхъ живущихъ! Развѣ
Мы не любимы ангелами? Или
Должны молить о жизни сына Ноя?
О, нѣтъ, скорѣй . . . Но что я! Это все
Лишь плодъ его страданій, грезъ и бдѣній —
Его любви отвергнутой. Кто въ силахъ
Поколебать громады горъ? Кто можетъ
Пересоздать видъ облаковъ и водъ,
Остановить ихъ вѣчный путь?

Гафеть. Создавшій
Изъ ничего Своимъ единымъ словомъ
Все сущее.

Аголибама. Кто слышалъ это слово?

Гафеть. Вселенная, Имъ вызванная къ жизни.

Но ты глядишь насмѣшливо. Такъ пусть
Отвѣтятъ серафимы: если скажутъ,

Что я не правъ, они — не серафимы.

Саміазъ. Чти Бога и Творца, Аголибама!

Аголибама. Я Бога чту со дня рожденья, — Бога
Любви, а не печали.

Гафеть. Но любовь
И есть печаль. Самъ сотворившій землю
Въ любви Своей былъ скоро опечаленъ.

Аголибама. Такъ сказано.

Гафеть. И праведно.
(Входятъ Ной и Симъ)

Ной. Гафеть!

Тебя ли вижу съ чадами порока?
Иль раздѣлить грозящую имъ участь
Ты не считаешь страшнымъ?

Гафеть. Я не вижу,
Отецъ, грѣха — искать спасенья людямъ,
Но эти и не грѣшны: серафимы
Въ общенъи съ ними . . .

Ной. Тѣ, что покидаютъ
Тронъ Господа для радостей земли?
Сыны небесъ, что ищутъ женъ изъ рода
Братоубійцы?

Азавилъ. Праотецъ, ты правъ.
Ной. О, горе, горе! Горе беззаконнымъ
Союзамъ вашимъ! Развѣ не поставилъ
Богъ грани межъ землей и небомъ?

Саміазъ. Развѣ
Не создалъ Богъ людей по Своему
Подобію и образу? Не любить
Того, что создалъ? Мы лишь соревнуемъ
Его любви.

Ной. Я только человекъ,
Не призванъ быть судьей людей, — тѣмъ
паче
Господнихъ слугъ. Но, разъ Господь изволить
Въ общеніи быть со мною и открывать мнѣ
Суды Свои, я говорю: не можетъ
Быть благомъ нисхождение серафимовъ
Съ высотъ жилищъ предвѣчныхъ въ міръ и
бренный,

И обреченный гибели.
Азазіиль. Хотя бы
И для его спасенія?

Ной. Не вамъ,
Во всемъ величьи вашемъ, быть защитой
Того, что предалъ карѣ Сотворившій
Величье ваше. Если бъ повелѣлъ
Онъ вамъ спасать, то вы должны бы были
Спасать не тѣхъ, которыя плѣняются
Васъ красотой, а всѣхъ того достойныхъ.
Онѣ прекрасны, — правда, но онѣ
Обречены.

Іафетъ. Отецъ, не говори такъ!
Ной. Сынъ Іафетъ! Забудь о нихъ: подходить
Ихъ страшный часъ. Тебѣ же суждено
Быть сѣменемъ иной земли — и лучшей.

Іафетъ. Дай умереть мнѣ съ этой!
Ной. Ты бы долженъ
За этотъ вопль погибнуть. Но Всевышній
Щадить тебя.

Саміазъ. Зачѣмъ его, тебя?
Но лишь не ту, чья жизнь ему дороже
Твоей и даже собственной?

Ной. Спроси
Того, Кто создалъ болѣе великимъ
Тебя, чѣмъ насъ, но столь же подчиненнымъ
Его велѣніямъ. Се, архангелъ!
(Входитъ архангелъ Рафаиль)

Рафаиль. Духи!
Зачѣмъ вы здѣсь? Служители Иеговы!
Зачѣмъ вы на землѣ, когда она
Должна быть чуждой ангеламъ? Вернитесь
Въ небесный клиръ! Вернитесь пѣть хвалы
И пламенѣть восторгомъ поклоненья
Въ число Семи избранныхъ!

Саміазъ. Рафаиль!
Славнѣйшій и прекраснѣйшій межъ нами!
Давно ль и кѣмъ лишень сей юный міръ
Общенія съ безсмертными? Міръ, въ коемъ
Самъ Богъ касаться праха не гнушался?
Онъ созданъ Имъ, онъ Имъ любимъ и много
Велѣній Божьихъ внялъ отъ серафимовъ,
Творца въ Его твореніи обожавшихъ,
Стремившихся юнѣйшій изъ міровъ
Хранить достойнымъ Господа. Зачѣмъ же
Твое чело такъ строго и угрозой
Звучать слова?

Рафаиль. Когда бъ Азазіиль
И Саміазъ небесъ не покидали,

Они бы зрѣли огненные знаки,
Которыми Всевышній возвѣстилъ
Свой Судъ землѣ. Но тамъ, гдѣ грѣхъ,
гордыня,
Тамъ знанья нѣтъ. Изъ ангеловъ остались
Съ людьми лишь вы, плѣненные вамъ чуждой,
Унизившей васъ страстью. Но Всевышній
Прощаетъ васъ и возвращаетъ къ лику
Безгрѣшныхъ небожителей. Скорѣй
Летите къ нимъ! Спѣшите! Иль останетесь —
И потеряйте вѣчность . . .

САМІАЗЪ. Жребій брошень.

АЗАЗИЛЪ. Аминь.

РАФАИЛЪ. И ты! Простите же! Отнынѣ
Для Господа вы чужды и лишились
Небесныхъ силъ.

ІАФЕТЪ. Увы! Гдѣ имъ теперь
Найти пріютъ? — Чу! Возрастаетъ тяжкій
Гуль въ нѣдрахъ Арарата. Воздухъ замеръ,
Но цвѣтъ деревьевъ сыплется, и дрожью
Охваченъ каждый листикъ: грудь земли
Какъ бы подъ гнетомъ стонеть.

НОЙ. Чу! Зловѣщій
Крикъ водныхъ птицъ. Онѣ затмили небо
И поднялись до тѣхъ вершинъ, куда
Ихъ бѣлое крыло еще ни разу
Доннынѣ не взлетало. Араратъ
Послѣднимъ скоро будетъ имъ пріютомъ,
А тамъ и онъ исчезнетъ.

ІАФЕТЪ. Солнце! Солнце!
Оно встаетъ и меркнетъ. Черный кругъ,
Дискъ солнца охватившій, возвѣщаетъ
Конецъ земли. И ужъ опять поблекъ
Цвѣтъ облаковъ, горящихъ только снизу —
Тамъ, гдѣ, бывало, яркій день рождался.
НОЙ. Вотъ! Молнія! Предвѣстница удара!
Гроза близка. Спѣшимъ, мой сынъ! Оставимъ
Стихиямъ ихъ добычу! И скорѣе,
Скорѣй туда, гдѣ нашъ несокрушимый
святой ковчегъ!

ІАФЕТЪ. Отецъ! Не покидай
На жертву волнъ хоть Ану.

НОЙ. Но не всѣхъ ли
Богъ предалъ имъ! Идемъ!

ІАФЕТЪ. Нѣтъ, я не въ силахъ.

НОЙ. Тогда дѣли ихъ участь! Какъ дерзнулъ,
На знаменья небесныя взирая,
Ты мыслить о спасеніи осужденныхъ
На казнь самой вселенной и Творцомъ
Въ ихъ правосудномъ гнѣвѣ?

ІАФЕТЪ. Правосудье
Ты сочетаешь съ гнѣвомъ?

НОЙ. Богохульникъ!
Ты ропщешь — и когда же!

РАФАИЛЪ. Патріархъ,
Не хмурь чела. Онъ сынъ твой. Онъ не знаетъ,
Что говорить. Когда угаснуть страсти,

Онъ будетъ благъ, какъ ты; онъ не погибъ,
Какъ эти чада Каина и неба.

АГОЛИВАМА. Гроза близка. На все, что дышитъ
жизнью,

Встаютъ земля и небо. Не равна
Борьба межъ нашей силой и Предвѣчной!

САМІАЗЪ. Но съ вами — мы. Мы унесемъ васъ съ
Аной

Къ инымъ и мирнымъ звѣздамъ. Если тамъ
Ты позабудешь землю, я забуду
Утраченное небо.

АНА. О, родные

Шатры, долины, горы! Чтò замѣнить
Мнѣ васъ въ тоскѣ?

АЗАЗИЛЬ. Моя любовь. Не бойся:
Мы лишены небесъ, но есть міры,
Гдѣ наша власть незыблема.

РАФАИЛЬ. Мятежникъ!

Твои слова преступны, но отнынѣ
Безсилень ты. Мечъ пламенный, изгнавшій
Изъ рая первородныхъ, не угасъ
Въ моей рукѣ.

АЗАЗИЛЬ. Грози имъ праху, плоти.
Безсмертнымъ мечъ не страшень.

РАФАИЛЬ. Но настанетъ
Часъ испытанья, — часъ, когда щету
Борьбы съ Творцомъ постигнешъ ты. Лишь вѣрой
И кротостью предъ Нимъ ты былъ могучъ.

(Бѣгутъ Смертные, ищущіе спасенья)

ХОРЪ СМЕРТНЫХЪ. Земля смѣшалась съ не-
бомъ . . . Боже! Боже!

Спаси Твоя рабы!

Чу! Вой звѣрей сливается въ мольбы!

Драконъ, въ горахъ покинувъ ложе,
Мяется въ страхѣ межъ людей,

И смертнымъ воплемъ воздухъ рѣжутъ птицы.

Нѣтъ, Ягве, нѣтъ! Не простирай десницы

На чады Своихъ! Спаси и пожалѣй

Не насъ, не насъ, а все Свое творенье!

РАФАИЛЬ. Прости, земля! Приемлю во смиреннѣ
Дѣла Творца. Оно есть долгъ раба. (*Exit*).

ГАФЕТЪ. Одиѣ изъ тучъ летятъ, какъ ястреба,

Другія, недвижимыя, какъ скалы,

Лишь знака ждуть пролить свои фіалы.

Навѣки скрылись солнце, звѣзды, твердь —

И тусклый жуткій блескъ по небосводу

Распростираетъ Смерть.

АЗАЗИЛЬ. Въ путь, Ана, въ путь! На волю и
свободу!

Покинемъ міръ, что, волею Творца,

Повергнуть въ бездну хаоса стихіи.

Подъ грохотъ ихъ, я, какъ орелъ птенца,

Тебя крыломъ укрою — и въ другіе

Введу міры: тамъ тьмы и смерти нѣтъ.

(Унося съ собой Ану и Аголибаму, Азазиль и Саміазъ исче-
заютъ въ небѣ)

ГАФЕТЪ. Всему конецъ! Я потерялъ ихъ слѣдъ,

Подъ этотъ вой, подобный урагану.

И суждено ль имъ жить, иль умереть,
Ужъ никогда вовѣки Ану
Моимъ глазамъ не лицезрѣть!

Хоръ Смертныхъ. Будь милосердь, сынъ Ноя,
къ братьямъ!

Какъ? Неужель ты всѣхъ покинешь, всѣхъ?
И, внемля стонамъ, воплямъ и проклятьямъ,
Одинъ войдешь въ спасительный ковчегъ?

Мать (подавая Гафету ребенка).

Возьми, снеси младенца къ Ною!

Я въ мукахъ жизнь ему дала,

Но мнѣ была

Отрадой мысль — питать его собою.

Чѣмъ грѣшенъ онъ?

Зачѣмъ рождень?

Что въ молоко моему такого,

Что на того, кто имъ вскормленъ,

Идетъ враждой и яростью Ягова,

Что прахъ и твердь

Должна была воздвигнуть Смерть

На это кроткое созданье

И бездной водъ залить его дыханье?

Спаси, Гафеть, дитя мое,

Иль проклять будь со всѣмъ своимъ народомъ!

. . . . .
(Воды прибываютъ, люди бѣгутъ въ разныхъ направленіяхъ;
многихъ настигаютъ волны. Хоръ Смертныхъ, ища спасенія,
разсѣивается по скаламъ. Гафеть стоитъ на скалѣ.

Вдали виденъ плывущій къ нему ковчегъ)

1908 г.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

1000
1000
3054/35

30-15

15
Mat. 36
15 p.

3054/35

36-15

